

Владимир Вычугжанин

Д
о
л
л
а
р
ы

в
б
а
н
к
е

Annotation

О том, как трудно раскрывать страшные запутанные преступления, рассказывают герои этой книги – сотрудники Пензенского уголовного розыска, настоящие профессионалы своего дела.

Убит человек...И ни следа, ни «зацепочки»!

Как поймать убийцу, если даже свидетеля, очевидца днем с огнем не найдешь? А сыщик идет и находит. Он обязан одолеть преступника не только в силовом, но и интеллектуальном поединке!

Книга адресована всем любителям детективного жанра.

- [Владимир Вычугжанин](#)
 - [Коротко об авторе](#)
 - [Сыщик обязан победить!](#)
 - [Доллары в банке](#)
 - [Дерзкое ограбление](#)
 - [Жадный портняжка](#)
 - [Неожиданное признание](#)
 - [Напугал... иконой!](#)
 - [Опер – это талант](#)
 -
 - [Курс молодого бойца](#)
 - [Высший пилотаж](#)
 - [Интуиция не подвела](#)
 - [Загадка за загадкой](#)
 - [Сам себя перехитрил](#)
 - [Нет награды дороже](#)
 - [Случайность или закономерность?](#)
 -
 - [Лицо на снимке](#)
 - [Почерк киллеров](#)
 - [Когда все врут...](#)
 - [Забыл свое имя](#)
 - [Запомнил на всю жизнь](#)
 -
 - [Провал на олимпиаде](#)
 - [Разбой в рождество](#)

- [След из прошлого](#)
 - [Любое дело – необычно](#)
 - [Первое задание](#)
 - [Мошенники обнаглели](#)
 - [Исчезновение с инсценировкой](#)
 - [Убит в подъезде](#)
 - [Оправдать или... расстрелять?](#)
 - [Уникальный мерзавец](#)
 - [С пулей в голове](#)
 - [Призвание](#)
 -
 - [Первые... разочарования](#)
 - [Охота на «гастролеров»](#)
 - [Психическая атака в зале суда](#)
 - [Вор в законе](#)
 - [Вор в музее](#)
 - [По кровавому следу](#)
 - [Как становятся сыщиком](#)
 - [Единственный «пальчик»](#)
 - [Трудную выбрал профессию](#)
 -
 - [Первый курьер](#)
 - [«Накормите – расскажу!»](#)
 - [Мой наставник](#)
 - [Пришли другие времена!](#)
 - [Бандитский Кузнецк](#)
 - [Расплата](#)
 - [Ханты-Мансийск](#)
 - [«Левая» труба](#)
 - [Черные риэлторы](#)
 - [Так он и ушел...](#)
 - [Вор – невидимка](#)
-

Владимир Вычугжанин
Доллары в банке (сборник)

Коротко об авторе

Вычугжанин Владимир Михайлович родился в 1950 году. Работал редактором многотиражных газет «Машиностроитель» (Пензмаш), «Маяк» (Электроприбор), «Спектр» (НИИ). С 1992 года – штатный сотрудник областных газет «Пензенская правда», «Пензенские вести», «Молодой ленинец». Вел разделы криминальной хроники в еженедельниках «Точка зрения», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда».

Автор семи книг – «Профилактика жадности» (1997 год), «Рука из могилы» (1998 год), «Кого боится взяточник» (2007 год), «Уголовный розыск вчера и сегодня» (2008 год), «Пензенские детективы» (2012 год), «О неслучайности встреч» (2016 год), «Азарт и удача» (2016 год). Две первые книги были отмечены МВД РФ в номинации литературы и искусства.

Автор выражает благодарность:

Вычугжаниным Татьяне и Михаилу – за активное участие в подготовке издания.

Сыщик обязан победить!

О том, как трудно раскрывать страшные запутанные преступления, рассказывают герои этой книги – сотрудники Пензенского уголовного розыска, настоящие профессионалы своего дела.

Убит человек...И ни следа, ни «зацепочки»!

Как поймать убийцу, если даже свидетеля, очевидца днем с огнем не найдешь? А сыщик идет и находит. Он обязан одолеть преступника не только в силовом, но и интеллектуальном поединке!

Книга адресована всем любителям детективного жанра.

Автоматные очереди разорвала утреннюю тишину мирного города. Выстрелы, лишившие жизни инкассатора, подняли на ноги все правоохранительные силы города и области.

Доллары в банке

Дерзкое ограбление

«4 апреля 1997 года, – сообщили все средства массовой информации, – совершено дерзкое вооруженное нападение и убийство инкассатора И. Кульбаки. Преступниками были похищены 200 тысяч долларов США и 20 тысяч дойчмарок. Для раскрытия и расследования этого преступления создана следственно-оперативная группа...»

На что рассчитывали гангстеры, замышляя свой злодейский налет? Во-первых, после ограбления они планировали двинуться в...центр города, понимая, что на окраинах города их ждет засада. Во-вторых, они решили сжечь автомобиль, уничтожив все свои следы. Ну, и, в-третьих, каждый из участников нападения запасся «железным» алиби.

Машина с инкассаторами появилась на перекрестке, Бандитский «Опель», стоявший недалеко от банка, поехал по намеченному маршруту. Тут тщательно продуманный план бандитов едва не сорвался: поворот на улицу Богданова перегородил трактор. Произошла двухминутная задержка, но налетчикам она не помешала. «Стрелок» выпустил две автоматные очереди в инкассатора Кульбаку, схватил мешок с деньгами и бегом бросился к машине. Деньги перекочевали из мешка в сумку, «Опель» свернул во двор дома по улице Славы. Налетчики облили бензином вещдоки – куртки, пистолет-пулемет, инкассаторский мешок – подожгли их и скрылись. При этом они забыли (или не знали?) элементарное: захлопнув двери машины, они перекрыли доступ кислороду, и пламя погасло.

Странно, но эта грубая ошибка гангстеров сыграла им на руку. При тщательном обыске «Опеля» специалисты обнаружили в сиденье машины билет на имя гражданина Польши Малиновского. Это был ложный след. Но большинство следователей занялось сомнительным проездным документом. След уводил их все дальше и дальше от истинного пути, постоянно обрывался, пока не завел сыщиков в явный тупик...

– Самое резонансное преступление за 15 лет: убийство, ограбление! Были задействованы все службы: УБОП, ФСБ, руководство УВД. Я только пришел – был начальником отделения уголовного розыска Первомайского РОВД. Большого опыта руководящей работы не было, – говорит **Юрий Николаевич РУЗЛЯЕВ**.

– Операции проводили сообща, не смотрели, кто начальник – выезжаем на операцию вместе. Садимся, разрабатываем какие-то идеи и т. д. Задействованы были многие силы и средства. На 42 день после

совершения преступление было раскрыто.

Жадный портняжка

«Пришел я на новую должность 24 или 25 марта, – вспоминает Юрий Николаевич, – а 4 апреля было совершено разбойное нападение на банк «Тарханы».

Мы, сотрудники территориальных отделов, были на подхвате. Привезти того, доставить этого, провести обыск – черновая работа, серьёзного не доверяли. А у начальников наших, по собственным их признаниям, следствие стало пробуксовывать, ниточка за ниточкой обрывались. И вот мы, несколько человек, молодые, честлюбивые, – решили рассмотреть дело несколько иначе, начали анализировать, в чем загвоздка?

Надо особо отметить: мы, молодежь, не чувствовали на себе какую-то угрозу быть наказанным, быть уволенным за какое-то упущение. То ли времена были такие, то ли народ был такой! Нас опекали, как детей! Не подставляли. Я не помню, чтобы на меня повышали голос. Я не помню, чтобы меня укоряли. Если я что-то сделал не так, мне, разумеется, давали это понять, но все так корректно было обыграно, необидно, незаметно. Единственное, что звучало (без слов): не умеешь, отойди! Дай я покажу!

Почему мы сейчас молодежь так бросаем: выплывает – не выплывает? Оступился – «выговорешник» за «выговорешником», уволился, выгнали... Не было раньше такой агрессии со стороны опытных профессионалов. Мы чувствовали над собой отцовскую опеку. Так я продолжу о первых своих шагах в уголовном розыске.

«Сыщиком нельзя стать по блату, – утверждает Рузляев, ныне начальник УМВД России по Пензенской области. – По знакомству можно устроиться канцелярским работником или, скажем, дежурным. Если у человека есть желание, есть интерес к нашей трудной работе – его можно научить. Если же этого нет – любовь к сыску не привьешь ни высокими окладами, никакими уговорами, никакими льготами. Сыщику необходим, если хотите, какой-то врожденный инстинкт, этот нюх, чутье, особую, профессиональную хитрость. Скажем прямо: это – природный дар».

Ну, вот и пришла пора молодым оперативникам показать, на что они способны!

Разработали несколько версий, и пошли своим путем. Почувствовали, что УВД разрабатывает *не тех*. Многих задержали (по указу Президента – организованная преступность – 30 дней). Срок некоего Бухарева уже

истекал. Сомнений в том, что он – один из участников дерзкого ограбления, не было. Но – не было и доказательств! Его должны были отпустить. Нашли «слабое звено» среди его окружения – Силкин. Не судим, живет в небогатой интеллигентной семье. Содержит семью: мать и сестру. Профессия сама мирная – был он... портным, и у него была машина.

А вот автомобиль, на котором было совершено преступление, был куплен в Германии, пригнан в Белоруссию. Из Белоруссии в Россию его пригнали отец с сыном. Они заявили, что заказчик неизвестен, лишь указали место, где передали машину.

– Как вы добирались из Пензы?

– А заказчик нанял водителя – и нас отвезли в Саранск. Из Саранска в Москву – на самолете.

Мы начали выяснять, кто их отвозил. По их описаниям мы установили точно: водитель – Силкин!

– А во сколько вы уезжали из Пензы?

– Поздно – после 23:00. При выезде из Пензы нас остановил сотрудник ГИБДД.

Тогда был хороший приказ: фиксировать все автомобили и водителей, пересекающих границу города после 23.00.

Я рванул на пост ГАИ. Регистрация по времени: 23:04 – Силкин. Мы берем этого Силкина – нигде не привлекался. Задержанный сказал, что никого не возил, а ехал к девушке в Грабово. Какой девушке? Я там всех знаю. Приехал к матери девушки.

– Есть такой жених, Силкин?

– Есть.

– Приезжает он к вашей дочери?

– Да, приезжает!

– А 2 апреля он был у вас?

– А я что – записываю, когда он приезжает? Если он говорит, что был, значит, был!

Вот так! Мать подтвердила алиби! А мы-то думали, что умнее всех! Но и у нас ниточка оборвалась!

Я уже закрывал калитку, и вдруг меня озарило! Возвращаюсь к мамаше и спрашиваю:

– Ведь ваша дочь учится в Самаре? Как же она могла приехать к вам 2 апреля? Ведь ни каникул нет, ни выходных!

– А ведь и правда! – спохватилась и мать. – Не мог Силкин приехать 2 апреля! Дочь была дома последний раз 8 марта. Не могло быть его у нас 2 апреля.

Взяли мы его под белы ручки, привезли и закрыли. Он замкнулся, сидя в КПЗ. Ничего не говорит. Оставалась последняя ночь, и мы вынуждены отпустить его.

Мы к заместителю начальника УВД Куликову Валерию Александровичу:

- Дайте нам доработать Силкина! (А уже 8 часов вечера!).
- Да забирайте, но чтоб ни-ни!..
- С него ни один волос не упадет!

Неожиданное признание

А мы проработали несколько вариантов отхода. Доставили его в приемник. Начинаем беседовать. Привели Силкину безотказный аргумент. Три версии было, но в одном ошиблись. Говорили: ты, как водитель, не подлежишь высшей мере. За это всего лишь 3 года условно. Зачем тебе брать грех?

Начали ему рассказывать поэтапно, как было совершено ограбление: здесь встретили, проехали, остановились.

Я постарался убедить его, пробудить в нем остатки совести: «На этих деньгах, – говорю, – кровь, эти деньги не принесут удачи. Самое страшное – подведешь своих близких!» Он начал потеть. Говорит: снимите с меня наручники, я все расскажу!

Мы говорим: Бухарев уже все рассказал, у нас все детали есть. Кто деньгами воспользуется – будет проклят на всю оставшуюся жизнь. А Силкин эти деньги отдал сестре и матери. Близкого человека он не мог подставить. И он говорит – я все расскажу.

Я говорю – я и так все знаю! (Хотя у нас ничего не было!) Покажи, где эти деньги? Бухарев все на тебя валит, но мы знаем, что ты водитель: отвозил и увозил. А он говорит: нет – это я убивал. А мы думаем: наверно берет вину на себя.

– Нам это не интересно, – заявляем, – где деньги? Он говорит: поехали, покажу.

– Нет! – говорим. А про себя решаем: сейчас поедем – поднимет шум! Говорим: напиши матери записку. (Слово дал – слово взял, а записка останется! Приложим к уголовному делу!) Я вот поеду – матери отдам листочек. Напиши по – хорошему, по – доброму. И мать не будем трепать, хотя бы обыск не станем проводить. Ведь раскатаем дом по бревнышкам – где они жить будут?

Пишет: «Мама простите меня – я совершил глупую ошибку. Верните деньги – они не принесут нам счастья». И звонит Валерий Александрович Куликов. А мы ему: «Мы деньги поехали доставать!»

– Как?

– Вот так!

– Не может быть!

– Может! Силкин записку написал, сейчас к его матери поедем.

Валерий Александрович говорит: с вами поеду!

Поехали. Тоже «эпопея» была. Мать говорит: «Нет никаких денег!» Мы говорим: ваш сын не виноват. Деньги отдадите – сегодня выпустим. «Что вы мне рассказываете, я мать, я знаю, что он натворил! – и давай причитать: «Зачем убили, зачем все это делали?» Мы поняли, что и Силкин замешан в убийстве инкассатора.

И потом она вдруг заявляет: «Денег у меня нет – я их завтра принесу!» Я вспомнил: часто здесь видел пожилую женщину в строгой черной одежде. (Про себя я ее «монашенкой» назвал.)

– К вам приходила женщина – это ваша сестра? Вы ей деньги отнесли?

– Да.

– Где живет?

– На проспекте Строителей.

Напугал... иконой!

Приехали по названному адресу. Никого нет, живет одна, мебели нет. Одни иконы. Иконы в штабелях – даже не развешаны. Мать Силкина говорит:

– Маша, отдай деньги.

– Какие деньги? Не видела, не брала.

Мы ее и так, и эдак – отдай деньги! Куликов не сдержался, начал кричать. Я ему: «Валерий Александрович, вам нельзя! Вы – служебное лицо. Мне можно. Лучше я буду наезжать». Потом отозвал эту монашку в комнату, беру икону Божьей Матери, ставлю в угол – говорю: крестись перед иконой. В церковь ходишь?

– Хожу.

– Сейчас владыку приведем и перед иконой, скажи, что этих денег не видела.

– Вот вам крест, я этих денег не брала. **В моем доме их нет!**

Мы говорим: А где? На даче?

– Да, на даче.

Дождь сыщикам не помеха!

Дача – в Мокшанском районе. Дождик пошел. Садимся в УАЗик ППС. Приезжаем – темно, дождь льет! Время где-то за полночь. Понятые, эксперты. Листья, навоз отгребаем – хозяйка копает, ничего нет.

Я засомневался: «Не водит ли она нас за нос? Не целину ли копает?» Полез сам. Стал копать – нет, земля мягкая! Лопатой тык – тык. Вдруг наткнулся на что-то. Стал разгребать руками. Раз! – черный целлофан. Банка – замазана техническим вазелином и закручена скотчем в несколько слоев. Много банок! Новенькие доллары – вот они! В четыре утра вернулись в прокуратуру. Приехали начальник УВД Пронин, прокурор области Костяев. Начали допрашивать участников ограбления. Бухарев был членом организованной преступной группировки. Кузнецов предложил. Бухарев организовал, к ним присоединился Силкин.

Кузнецов составил план нападения, не профессиональный, но дерзкий. Сыщики сразу же обратили на организатора внимание: Кузнецов уволился из банка... за неделю до ограбления. Уволился вроде бы «по собственному желанию», но с нарочито громким скандалом.

Нам удалось раскрыть и другие хищения, которые были совершены ранее, но банк не заявлял. Обнаружив недостачу, раскидывали деньги на

всю смену. Это понравилось Кузнецову. Ворует один – платят все. Вот так мы и эти преступления раскрыли. Александр Иванович Пронин пошел с Бухаревым, скованный с ним наручниками, за оставшимися деньгами. Тот поставил условие: деньги отдам лишь генералу! Пронин согласился пойти с ним и пообещал не брать понятых.

Бандит прятал деньги под ванной в квартире тетки. Мы подсмотрели в щелку: Бухарев отодвинул что-то под ванной, деньги достал и отдал генералу. Мы решили, что Бухарев утаил оружие. Поехали в прокуратуру – получили ордер на обыск. И обнаружили под ванной – шесть тысяч таблеток экстази, нового тогда, сильнодействующего наркотика. Эту заразу успели приобрести бандиты на награбленные деньги. Представляете, сколько бед наделал бы этот яд, расплзшийся по Пензе?

Потом был приказ министра о поощрении 142 человек. Некоторых фамилий даже не знаю. Мы были 140-е в списке. Министр подарил часы, остановились через месяц.

Опер – это талант

Интересно подчас складывается у нас судьба, – так начал рассказ о себе **Сергей Петрович ШЕСТАКОВ**, полковник полиции, заместитель начальника УМВД.

У отца был сосед по даче, так вот у него сын работал в милиции, он тоже окончил политехнический. У меня не было желания идти работать инженером, а в Пензе не было юридического института. Я получил высшее образование, а дальше можно было расти по избранному пути.

Курс молодого бойца

Пройдя весь курс подготовки, я 1 сентября (как в школу!) пришел на службу в органы внутренних дел. Сразу участковым инспектором – тогда стажировки не было. В этом сентябре 21 год исполнится с того знаменательного дня.

Служба началась интересно и поучительно. Я навсегда запомнил свой первый рабочий день. Костюм – ну прямо жениховский надел! Тесть подарил дипломат кожаный – такой красивый! Коллеги меж собой переглядываются, улыбаются. «Ты, – говорят, – куда в таком свадебном наряде собрался?» «Да вот, – отвечаю, – на обыски!» «Ну что ж, – смеются, – иди!»

А досталось мне наблюдать за порядком в Кривозерье. Дали мне сразу два материала, в двух домах я, новичок, должен был провести обыск. Помнится, Максима Горького так же учили плавать – бросили в «свободное плавание». Пришел в Кривозерье – встретила стая собак. Одна из них сразу укусила меня за ногу – порвала новые штаны. Ничего себе – вот это попал! Искал не преступников, а владельца собаки. Так начиналась моя служба. На этом «приключения» новичка не закончились.

Через некоторое время поступает вызов от жителей участка: какой-то алкаш буянит. Дверь на мой звонок открывает пьяный мужик. «Милицию вызывали?» – «Нет!» И захлопывает дверь. Я запрашиваю дежурного, сверяюсь: но адрес тот же! Тут приходит девушка, говорит: «Да, это мы вызывали!» Подходим к двери, звоним – открывает тот же мужик! Говорю: «Я – ваш участковый, будем с вами разбираться». А он... срывает мою шапку с головы и убегает с ней! Вот я за ним с первого на девятый этаж и обратно бегал. Он там где-то во дворе за помойку спрячется – я мимо пробегу. Моменты ну очень «захватывающие» были!

Я называю это «курсом молодого бойца». Пришел еще один участковый, Владимир Птицын. (Он сейчас полковник полиции, руководит райотделом). Сходу заявляет: «Ну, меня-то никто не тронет!» Парень держался всегда таким франтом, как сейчас говорят; весь «навороченный». Я говорю: «Значит, ты еще курс молодого бойца не проходил!» Сидим на опорном пункте со старшим участковым. Заходит Птицын – весь в сметане! У него по тогдашней моде кожаный плащ до пят был. Так вот, по плащу его модному сметана так и течет...

Мы интересуемся: «Что с тобой, родной?» Оказалось: один пьяный

хулиган при задержании ударил его банкой со сметаной по голове...

В марте 1995 году мне предложили перейти в уголовный розыск. Наверное, потому, что у меня была такая стезя, проявлялось стремление раскрывать преступления. Я всегда старался выявить и задержать виновного, неважно какое это было правонарушение. Не то, чтобы я не полюбил работу участкового. Она до сих пор у нас самая основная. В угрозыск захотелось из-за того, здесь занимаются основными функциями – это установление, розыск и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления. В меньшей степени – занятия профилактикой.

Хорошо помню первое дело – мы раскрыли кражу. Вроде бы банальное преступление – «обчистили» машину, а тяжело его расследовать. Нашли свидетелей, которые видели мужика, забравшегося в чужую машину. Дали нам его приметы, указали направление движения. Мы по направлению шли... как собаки! Зашли в магазин, куда подозреваемый заходил. Там узнали, что мужик этот направился в бар – видимо, любитель чужого добра решил отметить «успех». Поговорили с посетителями питейного заведения и вычислили-таки дом, где проживал вор. Прямо с похищенной магнитолой там его и «приняли». Вот такие случаи – меня тянуло к этому.

Высший пилотаж

В 1998 я стал уже заместителем начальника уголовного розыска.

Нас, сотрудников и руководителей районных отделов, держали в «черном теле». Большие начальники к своим замыслам, разработкам и близко не подпускали.

А нам было интересно, мы искали и нашли свои пути раскрытия громкого преступления. Мы, молодые сыщики, и раскрыли дерзкое нападение на банк «Тарханы». Установили подозреваемых.

Помню о беседе с Силкиным. Он признался в совершении убийства. Это было для всех новостью – мы подозревали совсем другого человека. А потом изъяли деньги – огромные по тем временам. Трехлитровые банки, зарытые в огороде, а в банках – доллары, новые хрустящие купюры. Неожиданный, невероятный наш успех – самые незабываемые минуты за все время работы в уголовном розыске! Не хочется после таких сложных дел заниматься мелочью. В те времена в стране, наверное, не раскрывали подобных преступлений!

Шли по этапам – искали, смотрели, слушали. Самое главное – проводили анализ достигнутого каждый день. Вместе обсуждали: давайте вот сюда пойдём! Не получилось – сюда попробуем. Успех стал близок, когда вышли на преступную группу – трех подозреваемых.

Именно благодаря нам, молодым парням плюс начальнику уголовного розыска, удалось «раздолбить» именно убийцу. Нам было тогда 25-26 лет. Сейчас вспоминаешь и удивляешься: как это могло произойти? Наверное, это внутренне дано. Я всегда говорю: опер – это когда талант у тебя есть. Этому просто так не научишь. Это либо есть, либо этого нет.

Я в своей практике немногих знаю людей, которые обладают именно таким талантом. Чтобы уметь разговорить человека без применения каких – то там физических угроз. Это в моей работе называется «высший пилотаж». Ты «раздолби» человека, в хорошем смысле слова, чтобы он тебе признался в преступлении. Рассказал все, как было, когда, где. Чтобы все налицо – все улики. Надо уметь понять человека, расположить его к себе.

Легко раскрыть преступление, когда прибываешь на место, а убийца с ножом сидит, и 25 свидетелей рядом. Тут все очень просто – приехал и злодея изобличил. А вот попробуй раскрыть обыкновенную кражу. От свидетеля, с великим трудом найденного, узнаешь, что подозревается такой-то. А улик нет, ничего нет. Кража – это же тайное хищение! И вот

тогда ты начинаешь работать. Ты приводишь беседу с подозреваемым к реальному результату: к тому, что он признается тебе в совершенном преступлении. Ты узнаешь, где спрятано похищенное, изымаешь его и возвращаешь потерпевшим. Вот она – несравненная радость нашей работы!

Интуиция не подвела

На улице Калинина был такой у нас такой случай. Утром получили сообщение: обнаружен труп. Рядом с пивным ларьком. Прибыли на место происшествия. Убитый – молодой парень. Ножевое ранение, почти незаметное. И никаких очевидцев происшедшего.

Все-таки путем долгих выяснений и поисков нашли одного свидетеля. Этот гражданин утверждал: вчера вечером к продавщице ларька приходил муж, и якобы у него был скандал с покупателем. Ничего ясного, но рабочая версия появилась. Вышли на мужа хозяйки. Не было никаких доказательств, но появилось внутреннее убеждение, что убийца – именно он! Я называю это «чуйкой». Внутренним чутьем, можно сказать, подсознательно, я угадал в нем душегуба. Что мне подсказало правильное решение? Может быть, поведение этого человека, его движения, его взгляд...

Мы убедили прокурора арестовать подозреваемого, практически «ни на чем», не имея ни одной улики. Ну, было основание – факт ссоры с убитым. Но – ножа не было, признания не было! Но прокурор пошел нам навстречу.

Ездил допрашивать арестованного – день, два, три. Все его поведение, все его действия, слова, мимика, руки, движения тела, одежда, весь внешний вид убеждали меня в моей правоте. Это либо дано – либо не дано. Это надо видеть: в глаза его смотреть, запах его чувствовать. Он меня старше намного был. Лет на 20. Трудновато было мне находить с подозреваемым общий язык. И все-таки мы сумели понять друг друга. Я ему прямо сыном стал. Я всем коллегам говорю: вы или братом становитесь, или у вас ничего не получится!

И подозреваемый в убийстве на пятый день признался. Вот что он поведал мне. Жена значительно моложе его, и он ее бешено ревновал ко всем. А этот «сопляк», так он называл потерпевшего, так и вертелся вокруг супруги. Муж неоднократно предупреждал, что такое поведение «искателя приключений» до добра не доведет. Но парень игнорировал угрозы «старика». В тот злополучный вечер ревнивец вновь застал наглеца рядом с женой...

Потом выход на место преступления был, арестованный показал, как совершил убийство, куда выкинул нож. Нож не нашли – выкинул на рельсы.

Но тех доказательств, что собрали, для суда оказалось достаточно. И потом, через 5-6 лет, когда преступник уже отбыл наказание, зашел ко мне и говорит: Сергей Петрович, а вы меня помните? Вы ж меня тогда ни на чем практически «развели».

– Но ведь это вы совершили убийство?

– Конечно, я! Вы меня как-то расположили к себе. Только вам признался – ни следователю, никому!

– Меня прокурор благодарил, – продолжает рассказ Сергей Петрович, – вплоть до того, что литр собирался поставить. Ведь он очень рисковал, давая согласие на арест подозреваемого. Поверил в мою «чуйку»!

Загадка за загадкой

Пришлось мне с коллегами раскрывать преступления, настолько необычные, что ни в каком детективном романе не встретишь. Вспоминается случай, когда я перешел работать начальником криминальной милиции в Железнодорожный район.

Представьте себе ситуацию: семья приезжает в магазин «Биония» на улице Урицкого за семенами. Глава семейства остается в машине. Жена и сын уходят в магазин. Возвращаются через десять минут – машины нет! Куда отправился владелец автомобиля, не предупредив родных? Иные мужья, случается, удирают от своих «половинок». Позже я расскажу, как неверный супруг сам стал жертвой задуманной им измены. Но в этой ситуации не было ничего похожего. Тем более, что и семья эта была крепкая, дружная. Непонятно, что и как произошло.

И вот мы начинаем работать. Дней через пять находим тело без вести пропавшего. Что интересно – труп специалисты определили как «некриминальный». То есть, на теле не нашли никаких признаков насильственной смерти. Вот еще одна загадка: отчего умер человек? Забегая вперед, скажу: это нас эксперты подвели, не установив настоящую причину смерти.

Но мы тогда этого не знали, а ломали голову и над таким вопросом: куда подевался автомобиль умершего водителя? Постепенно, поэтапно находим машину в одном гараже. Спрашиваем хозяина гаража: твой автомобиль? Тот побледнел, видимо, догадывался о «нечистом» происхождении своей новой «тачки». Отвечает, что машину он приобрел недавно, у одного парня. И мы по приметам, по следам выходим на некоего 35 – летнего Равиля.

Подозреваемый пытался ввести нас в заблуждение. Рассказывал о том, что купил машину у того самого, внезапно пропавшего водителя. Но, поскольку он точно описывал внешность погибшего автомобилиста, мы убедились лишь в том, что задержанный причастен к его смерти. Равиль охотно и подробно рассказывал, как он якобы торговался с хозяином, о времени и месте покупки машины, о беседе с ним. Но мы-то, зная об обстоятельствах внезапного исчезновения владельца автомобиля, убедительно доказали подозреваемому, что такой сделки попросту не могло быть.

«Прижатый к стенке» неопровержимыми уликами, задержанный

сдался. И рассказал нам правду о совершенном им преступлении. В Москве он приобрел ручку – пистолет. И, как он сам объясняет, решил испытать покупку. Но, скорее всего, преступнику показалась заманчивой возможность «легко и быстро» завладеть чужой машиной. И он выстрелил в голову, в ухо водителя. Пересади́л труп и угнал машину. Такое вот жуткое преступление. При повторной экспертизе (эксгумации) нашли пулю в голове. Родственники со слезами на глазах благодарили нас. Преступления такие сложно раскрываются. Убийцу осудили на 18 лет лишения свободы.

Сам себя перехитрил

А вот еще одно загадочное убийство. Жильцы дома по улице К. Цеткин нашли в подъезде между вторым и третьим этажами труп мужчины. Горло убитого разрезано от уха до уха. Разбирались два года, а оказалось все до банальности просто.

Погибший работал в свое время на автостоянке. Отношения с супругой разладились. Дело шло к расторжению брака. Бедолага, чтобы сохранить деньги при разводе, оформил купленную тайком от жены квартиру на парня, который вместе с ним работал. Этот молодой коллега, бывший десантник, почему-то внушал ему доверие.

А юный друг проникся идеей, как «легко и просто» завладеть чужой квартирой. Бывший десантник очень хитро все продумал. Он занялся поиском посредника, который бы нанял киллера. Вот так было организовано и совершено убийство владельца квартиры. Доверчивый мужик хотел перехитрить жену, а перехитрил сам себя.

Расследование заказного убийства – дело непростое. Действовали мы поэтапно, вникая в суть ситуации – с кем он работал, кто мог быть заказчиком. Бывший десантник до сих пор жалобы пишет, что его незаслуженно посадили. Хотя заказное убийство доказано – на скамье подсудимых очутились молодой «друг» убитого, киллер и посредник.

А из улик – только нож. Но ведь ножом любой мог зарезать. Вышли мы на киллера. Тот уже отбывал срок по другому уголовному делу. Выехали к нему на зону, расположили его к себе, нашли с ним общий язык. Он нам признался в совершенном убийстве, а потом и на заказчика вывел. Ножом киллер действительно владел профессионально, он, как оказалось, бывший спецназовец.

Нет награды дорожке

Как-то вышли на еще одного «зверя» по... обрубку провода. В 2010 году на улице Герцена в Пензе нашли трупы двух девушек – студенток. Тела истерзаны – огромное количество ножевых ранений. А в руках у нас – только одна тоненькая ниточка, ведущая к преступнику – обрубок провода к наушникам сотового телефона. И по этой мелкой детали мы сумели найти верный след. Сколько сверяли, перепроверяли: где такой телефон могли купить, такие наушники? В конце концов вышли на изверга: Сергей Карупин 1985 года рождения. Тоже упорно не признавал свою вину. Доказывали поэтапно, вместе со следователями. Скрупулезно: каждую ниточку, каждую минуточку. Доказали ему двойное убийство. Суд приговорил его к 19 годам лишения свободы.

Иногда даже убийства не так запоминаются, как грабежи, разбойные нападения. Были случаи в практике, когда люди не понимали, что совершают преступления.

В Первомайском районе году в 2004 прошла серия нападений на женщин. На них не то, что нападали – их грабили и жестоко избивали, ломали зубы, ломали челюсти. А сумку у жертвы налета отнимут – там и денег толком нет. Выследили мы разбойников. Четверо-пятеро парней из Шемышейки снимали жилье в Пензе, промышляли грабежом. Когда их взяли, они стали уверять, что...попросят извинения у потерпевших. И этим, мол, искупят свою вину! Парни полагали, что это ребячество, невинные проступки. А статья – «Разбойное нападение» – очень серьезная, до 12 лет лишения свободы! И получили наши «озорники» сроки от 6 до 8 лет.

У нас не бывает так называемых простых случаев. Даже любая банальная кража по-своему интересна. Как мы выходим на этих преступников? Путем тщательного анализа. Смотрим, кто освободился, кто может совершить хищение – по методу, по росту, по приметам.

Вот прошла серия квартирных краж по Пензенской области. У нас уже есть кандидатуры. Где они? Дальше – секретная методика. Мне хотелось бы одного. Чтобы все молодые люди, которые выбирают профессию сыщика, оправдывали доверие потерпевших. Мы работаем, в первую очередь, для того, чтобы люди чувствовали: они обратились к тем, кто реально может помочь. Когда мы профессионально работаем, когда, скажем, мы находим украденные машины – потерпевшие видят и плачут от

радости. Я считаю, это самые важные, самые волнующие мгновения в моей профессии – когда женщина, бабушка говорит тебе: «Спасибо, сынок!» Это намного дороже официального объявления благодарности.

Случайность или закономерность?

«Первые дни работы в уголовном розыске, – вспоминает Артур Викторович ЮДИН, полковник полиции, начальник Управления уголовного розыска УМВД Пензенской области, – запомнились тем, что пришлось столкнуться с непредвиденными трудностями. Люди, среди которых вырос, которых хорошо знал, вдруг оказывались «по другую сторону баррикад».

Но принципиальность молодого сыщика, его умение установить истину снискали ему уважение и тех земляков, что конфликтовали с законом. Они смогли оценить в нем профессионала, беспристрастного и справедливого. Доверительные отношения с жителями района не раз помогли начинающему сыщику при раскрытии преступлений.

В ноябре 2007 года Юдина утверждают в должности начальника Управления уголовного розыска УВД Пензенской области.

На первом месте для главного сыщика области было и остается умение работать с людьми, способность внимательно их слушать и принимать конкретные решения. Потому-то, видимо, Юдин вспоминает те успешные дела пензенских сыщиков, которые принесли ощутимую пользу многим людям.

Лицо на снимке

Несколько лет назад у нас появились «специалисты» по чужим коттеджам. Причем, эти здания были солидные, хорошо оборудованные, неприступные на первый взгляд. Время появления незваные гости выбрали удачно – утром, с 9 до 11 часов. Стоило хозяевам только выйти из дома, как туда сразу же проникали вору. Заметим, что владельцы покидали коттедж через дверь, а домушники моментально проникали в дом через...окно! Как показывает время, открываются пластиковые окна элементарно.

Меньше миллиона преступники не «поднимали» с таких дерзких краж. Если в обычных квартирах можно найти 20–30 тысяч рублей (или вообще ничего!), то роскошных апартаментах у воров не было проблем с добычей. Действовали грабители профессионально – весьма осмотрительно, не оставляя после себя изобличающих следов. И объект очередного их набега был непредсказуем.

Но вот как-то «посетить» пустующий коттедж шайка отправилась ночью. Преступники располагали информацией, что хозяева уехали. Но, видимо, не совсем были уверены в том. И они позвонили в домофон, чтобы проверить наличие жильцов. Прибывшая утром на место происшествия оперативная группа обнаружила несколько следов обуви. И «пальцы» – везде были. Но криминалистам от таких следов мало толку – грабители «работали» в перчатках.

Но одна находка стоила многих: мы получили фотографию одного из домушников! Правда, не очень четкую, ведь снимок был сделан в ночное время. Но хоть что – то появилось, какая-то зацепочка! Сначала обрадовались. А потом – ничего! Везде эту фотографию показывали, ездили по СИЗО, по районам. Посылали снимок коллегам из других регионов – раз отправили, два отправили...

А потом случайность, или, может быть, наоборот – закономерность? Наши коллеги из Тольятти сообщили: один сотрудник, которому попала в руки фотография, воскликнул: этот парень мне знаком! Оперативник в свое время занимался личностью, запечатленной на фото. Рецидивист жил в его секторе, привлекался за то же самое, за квартирные кражи. Дальнейшее стало для нас уже делом техники: обнаружить, задержать, изобличить. Удалось доказать девять фактов преступной деятельности. Три опытейших домушника, составлявшие преступную группу, отправились за решетку.

А совсем недавно у нас был ряд грабежей – нападений на старушек. Среди бела дня, в городе – нападали, отнимали у пенсионерок деньги, убегали. Мы обратили внимание на то, что жертвами грабежей становились посетительницы сберкасс, после снятия наличных. Подстерегали бабушек там, где народа поменьше – в подъезде или около подъезда.

Но до этого бандиты должны были выследить жертву. Мы начали собирать информацию о подозрительных личностях, ошивающихся у сберкасс. Удалось на одной из камер банка обнаружить лицо преступника. Но изображение было нечетким.

И опять – никакого результата! Работали месяц – никто из тех, кому предъявляли снимок, не сказал: я знаю этого человека! А тут выходит из отпуска работник ДПС и видит: на стенде разыскиваемых преступников висит фотография. Мне, – говорит сотрудник, – этот «приятель» знаком! Я на него как-то составлял протокол. Так мы бывшего военного поймали.

Все видели фотографию подозреваемого, и нашелся человек, который его узнал. Это я к тому, что не везде подвиг, просто – тщательная работа. Чем больше людей вовлечено в поиски, тем лучше. То, что нашли видео – хорошо, но это – еще полдела. Необходим был активный поиск запечатленного на снимке преступника. Если бы не шла работа, не стали распространять полученное изображение, то и результата бы не было. Фотографии-то были некачественные.

Почерк киллеров

Ранним утром в Октябрьский РОВД позвонил житель Арбекова: на улице Рахманинова гремят выстрелы. Прибывшая на место происшествия оперативная группа обнаружила труп молодого человека. Как рассказали очевидцы, погибший Турунов (фамилия изменена) этим утром, как обычно, направлялся к своей машине. Его расстреляли возле гаража. Нападавших было двое. Тут же, неподалеку убийцы оставили «девятку». Позже выяснилось, что машина была угнана в Сердобске.

– У нас были различные версии этого дерзкого убийства, – рассказывает Артур Викторович, – подозревали, в том числе, и тестя Турунова. Родственник владел станцией техобслуживания, был успешный предприниматель. У него водились крупные суммы наличных.

Проделили большую работу, изучая подозреваемых, беседуя с ними. Никакого результата. По машине, угнанной и брошенной киллерами, тоже не нашлось «зацепок». А перелопатили пол – Сердобска...

И тут приходит любопытнейшая информация! В Подмоскowie задержаны сердобчане, замешанные в убийстве местного авторитета. Мы сопоставили факты: способ совершения, выбор места, использование оружия, транспорта. Да к тому же они еще и жители Сердобска! Цепочка замкнулась.

Весь «кроссворд» сразу разгадали. Стало известно, и как у киллеров машина оказалась, и как они на Турунова вышли. Раскрылось ранее неизвестное – у жертвы и убийц были общие интересы. Почему киллеры сразу попали в круг нашего внимания? Они были к тому времени арестованы за другие преступления. А потом удрали из Сердобска. Преступление, совершенное в другом регионе, позволило раскрыть и это, на улице Рахманинова в Пензе.

Убийц из Сердобска задержали в Москве. А вот изверга, погубившего в Нижнем Ломове семью, пришлось разыскивать на Крайнем Севере.

Молодой человек, житель Нижнего Ломова, пришел в дом родителей. Страшная картина открылась глазам сына: трупы отца и матери лежали в лужах крови. Убийца расстрелял обоих в упор.

Что было известно сотрудникам уголовного розыска о погибших? Эти люди занимались бизнесом, имели свой магазинчик. Люди весьма порядочные – ни проблем, ни врагов у них не было. Непонятно кому было выгодно это убийство – никаких долгов за ними не числилось, не было и

должников.

Пришлось опрашивать множество людей. Знакомые и коллеги потерпевших отпали – начали искать бывших работников. Внимание сыщиков привлек молодой человек, некоторое время работавший в магазине. Оказалось, что приехал парень из другого региона, ранее уже судимый, трудился он здесь недолго. Вскоре хлопнул дверью, на хозяев обиженный – якобы его обсчитали, за что-то там ему не доплатили.

Данных об «обиженном» работяге было мало. Это и понятно: парень из другого региона, знакомых у него тут нет. Ни фамилии, ни дома, ни адреса. Уехал, пропал, словно в воду канул!

Самое интересное – задержали его в Воркуте. У бывшего работника обнаружили часть похищенного имущества, принадлежавшего убитым хозяевам. Задержанный признался: к расправе он не готовился. Пошел спонтанно ночью в дом, проник в комнату. Впотьмах что-то уронил, шум разбудил хозяев.

Супруг схватил ружье. Но в борьбе молодой рецидивист легко одолел старика, отобрал ружье и расстрелял в упор обоих супругов. А хотел, – уверял судей убийца, – лишь совершить кражу, чтобы, так сказать, «восстановить справедливость».

Когда все врут...

Можно привести множество примеров, когда в раскрытии преступлений принимает участие общественность. Это показывает доверие земляков к полиции – мы находим общий язык. С другой стороны, такие случаи лучше всего запоминаются людям, которым мы помогли. Мы себе в зачет и не ставим раскрытие преступления, если оно очевидно: приехали – раскрыли. Подобные эпизоды не запоминаются.

Зато надолго в памяти застревает разгадка преступления неявного, скрытого. Когда поначалу даже не знаешь, с какого края подступиться к этому делу. Работа сыщика – найти такого человека, который доверится тебе. Убедить, что показания безопасны для него. На глазах граждан происходит масса преступлений – но попробуй найди свидетеля!

Эти ситуации всевозможные комические и писатели описывали. Принцип нашего обывателя: меньше знаешь – крепче спишь. Люди неохотно идут на контакт по разным причинам. Это наша задача – обеспечить людям безопасность. Защита предусмотрена и уголовно – процессуальным кодексом. У нас и подразделение специальное есть по защите свидетелей. Очень много способов и средств вывести людей из-под угрозы.

Проблемы установления истины возникают не только из-за свидетелей, боящихся мести. Часто люди скрывают правду, полагая, что они тем самым спасают себя и родных. Не секрет, что у нас очень много совершается преступлений на бытовой почве. Жена порежет или ударит чем-то тяжелым мужа. Или наоборот.

Многие праздники завершаются пьяными скандалами. Словесные конфликты перерастают в поножовщину. И, на первый взгляд, кажется: чего проще раскрыть подобное преступление?

Но, во-первых, участники происшествия злоупотребляли спиртным длительное время. То есть, они уже не помнят ни течения, ни сути конфликта, ни что происходит, ни где они, ни как они. Что за человек был у них в гостях, когда. Начинается все обычно с сообщения из «скорой»: ножевое ранение. Выясняем где, приезжаем. Дома жена – пьяная, непьяная? Начинается ее сбивчивый рассказ: муж ушел на улицу – вернулся с ножевым ранением. Потом выясняется: это она благоверного и порезала! Благо, если пострадавший остался живым. Он отрицает или подтверждает, что вышел на улицу и там его порезали.

В Октябрьский РОВД по телефону 02 обратилась 26-летняя жительница дома по улице Мусоргского. Она заявила, что, вернувшись домой, обнаружила своего отца с ножевым ранением в область живота. Потерпевший скончался до того, как приехала бригада «Скорой помощи».

А прибывшие на место происшествия оперативники установили множество противоречий как в показаниях «убитой горем» падчерицы, так и ее рыдающей матери. Обе женщины были... пьяны. Было много «нестыковок» и в обстоятельствах гибели отца М.

В конце концов запутавшаяся в собственной лжи падчерица созналась: отца зарезала она. По ее словам, потерпевший в хмельном состоянии часто устраивал скандалы, оскорблял мать. В тот вечер дочка не утерпела и на нецензурные выражения отца ответила тем, что ударила его дуршлагом по голове. А потом схватила нож и пырнула скандалиста в живот.

Множество таких случаев. Потом мы выясняем правду. Люди понимают, что они натворили. Но они – близкие и выгораживают друг друга. Поработайте в такой ситуации, когда все врут! Когда потерпевший врёт, когда преступник врёт, а иногда и свидетели в этой теплой компании врут.

Как быть? По следам четко устанавливаем истину. Вот это – здесь было, и капли крови падали вот здесь. Ты говоришь, что выходил на улицу? Изымаем одежду – на ней ни кровинки нет! Нам предъявляют другую одежду – дырки не совпадают. И так далее, и так далее.

И перед нами начинает разворачиваться подлинная картина происшедшего. Начинаем осмотр квартиры, пусть даже жильцы и затерли следы. Выясняем, каким ножом было нанесено ранение, какова ширина лезвия: масса всяких экспертиз.

Бузотеры уже пришли в себя, понятно, что они по пьянке накуролесили. Но проходит время – и каждый настаивает на своем: мы должны искать какого-то пришельца, который пострадавшего ударил ножом. Понятно, что мы никогда его не найдем. И вот здесь начинается процесс доказывания вместе со следователями, с экспертами.

Дело решается проще, если у набедокуривших граждан это первый и, к счастью, если последний раз в жизни. Все воспалено – голова работает, не работает: что правильно, что неправильно. Но это, грубо говоря, если мы схватили участников кровавой драмы за шкуру. Тогда мы сразу определенные точки расставляем, видим многое по характеру, по поведению, по настроению людей, по взглядам, по переживаниям, по скрытности. И это – только по общению с ними.

А если мы еще материальные следы соберем – следы крови, ножи и т. д., да еще для объективности подключим соседей. А те слышали, как они дневали, воевали, видели еще что-то. Вот так рисуется объективная картина. Мы установим бесспорно, что и во дворе никого не было. Вот она – подлинная история происшедшего!

У нас есть понятие – «замять», ну или забрать заявление. С учетом того, что есть категории публичного обвинения, которые не подлежат «замятию». Если бы они друг другу тумачили, то это было бы возможно, даже в зале суда. Но когда тяжкие телесные повреждения, органы повреждены – конечно, такое дело «спустить на тормозах» нельзя.

Вместе с тем – вроде и несложно раскрыть. Но у нас есть дела, очевидные для нас, а доказать – не смогли!

Забыл свое имя

Буквально в сентябре того года обратилась с заявлением одна гражданка: сын со своей сожительницей уехал на машине и пропал. Пропал еще месяц назад. Находим одно село, в котором вот эта женщина живая. Один гражданин на ее глазах убил мужа. Держал ее в подвале, насиловал. Потом и труп нашли.

Около магазина машина стояла. Машина с другого региона. И начали искать водителя. Водителя не можем найти. Находим ребят, которые в этом месте выпивали с водителем.

Устанавливаем, кто они, и парни рассказывают нам историю, что действительно пили с таким мужчиной, он сходил еще за выпивкой. Потом они начали требовать, еще и на этой почве произошел конфликт. Там было порядка шести парней, трое его отводят, избивают и бросают в воду. Вот это другие ребята видели.

Время прошло: по-моему, ноябрь – октябрь. Когда начали искать, там уже лед был. Труп так и не нашли, хотя даже пруд сливали... Несколько ребят, по-моему, троих, арестовали по этому делу. Они под следствием дали показания. О том, что они действительно избили этого гражданина и сбросили в реку. Об этом писали в газетах.

Ближе к весне этот человек нашелся. То есть он вылез из воды без памяти, залез в какой-то дом. Отлежался какое-то время. Он натурально потерял память, не помнил кто он. В этом доме нашел какой-то старый партбилет, в котором было написано имя Юрий. Он так и думал, что его зовут Юра.

Его искали, ведь преступников задержали, а тела нет. Потом ему бомжи сказали, что его разыскивают. Выяснилось что он живой – статью им сменили. Они тогда ездили на передачу Малахова, говорили, что их заставили взять на себя вину.

Хотя следователи полностью доказали в ходе расследования, и сам пострадавший подтвердил. Он вылечился и рассказал, как на самом деле они бросили его в воду, пытаясь скрыть избиение. Об этом случае писали газеты.

Запомнил на всю жизнь

Родился и жил в Нижнем Ломове, – говорит полковник полиции, заместитель начальника УУР УМВД **Максим Юрьевич ПЕТРУШИН**. – Семья у нас многодетная: трое детей, я – старший. Отец – учитель, мать – повар. Отец ныне покойный, но с ним и связана полицейская моя судьба. Отец преподавал физику, но помимо этого вел фотокружок. И я очень увлекался фото.

Проявлять снимки можно было только ночью, днем этого не сделаешь. Обычно в час ночи, когда уляжется вся семья, я приходил на кухню и начинал печатать. Но все равно кто-нибудь встанет, включит свет... Очень часто мой труд пропадал даром!

Видя мои мучения, отец обратился к своему другу – однокласснику. Тот работал в милиции экспертом. Пчелинцев Александр Васильевич – личность легендарная. «Саша, – попросил отец, – пусть Максим к тебе приходит, проявляет в твоей лаборатории. Можно?» Тот говорит: «Да, разумеется, пусть приходит!» Учился я в 9 классе. И стал наведываться туда – в экспертную лабораторию милиции. Приходил со своими пленками, а там все условия для успешной работы. Так накапливался опыт.

Александр Васильевич Пчелинцев, я его буду звать дядя Саша, видя, что у меня получаются довольно неплохие фотографии, стал мне понемногу давать задания. Он приедет с места происшествия, уезжает на другое, пленку вынимает: «Максим, прояви!» Он уезжает, а я работаю. А мне интересно – я проявил. Потом он раз посмотрел, как я пленки делаю, объяснил, где надо рукой затемнить, где свет увеличить, где уменьшить.

Вручил мне и ключ от фотолаборатории, прихожу – там записка: «Максим, прояви такие-то кадры, напечатай такие-то». А что я печатаю? Места преступлений – либо кражи, либо убийства. И тогда уже, наверное, на уровне подсознания начал увлекаться работой детектива, хотел я этого или не хотел. Мне это стало очень интересно. Изначально, может, не очень приятно, но интересно.

А потом – у дяди Саши в лаборатории стоял специальный аппарат. Самое интересным были «пальчики» – отпечатки пальцев, отпечатки руки. Отпечаток изымается на пленку, и его нужно было, говоря на сленге фотографов, вытянуть. А это большое искусство. Самое главное – чтобы он был качественным для последующей идентификации. Чтобы можно было сравнить. Это было очень увлекательно. Пчелинцев помогал мне

совершенствоваться. Тогда-то у меня начал формироваться определенный образ оперативника.

Провал на олимпиаде

А второй момент – вы не поверите! Учился я вообще-то хорошо. Отец был сильный психолог, и он нас, детей, принципиально отдал в разные школы, только чтобы учились не там, где он преподавал. Чтобы мы учились сами, не было протекции, покровительств, чтобы у нас были свои знания. Мне это дало большой толчок, плюс.

Был такой момент – он преподавал физику и был методистом района по этому предмету. И вот объявляют: районная олимпиада! У меня задор молодецкий – пойду от нашей школы на олимпиаду по физике. Хотя на тот момент знания по физике были посредственные, я далеко не блистал. Может быть, твердая «четверка», но не более.

Спрашивают желающих – поднимаю руку: я пойду от школы! Там ученики со всех школ, и я с ними. На доске шесть задач по физике. Первую задачу я решил сам, в правильности ответа на 100 процентов был уверен. Вторую: 50 на 50? А больше – ничего решить не могу! Ну, ничего не получается!

А отец – человек лояльный, ходит по рядам – помогает ребятишкам. Не то, чтобы за них решает, но если есть вопросы какие-то – помогает, всем – кроме меня! Я на это смотрю, мне обидно стало. Подзываю его и говорю: «Пап, ты что – ко всем подходишь, помогаешь, а я?..» – «А что ты?» – «Ну, мне сейчас надо братика с садика забирать, сестру со школы встречать, потому что мама – на работе!» Все эти обязанности на меня возлагались.

Отец говорит: «Понял!» Он уходит, и минут через пять приносит решение всех задач олимпиады. Я все переписываю – ухожу. Пошел брата встречать, сестру. Проходит неделя – школьная линейка. Нас там построили и зачитывают результаты районной олимпиады.

«Первое место!..» – у меня крылья выросли, нимб над головой, я так гордо смотрю на своих одноклассников – «Первое место, – объявляют, – занял... Иванов!» «Ну, – думаю, – у меня почерк отвратительный, наверное, я что-то накарябал, как всегда, там не поняли?» Нимб пропал, но крылья еще остались.

«Второе место – жду! – Петров!» Что-то не то! Ну, ничего, третье-то место мне обеспечено! Объявляют: «Третье место – Сидоров!» Елки – палки! Перечисляют дальше: «Самая худшая работа – я уже все понял – Петрушин!» Хоть сквозь землю провалились!

Отец специально дал мне неправильные решения, а я бездумно, не зная физику, переписал. У меня все кипит, такая злость, я готов был драться с родителем. Иду домой, а он ждет. У меня аж все кипит, а он такой спокойный. Захожу и прямо с порога: «Как ты мог, отец, как ты меня подставил!?».

Он говорит: «Слушай! Ты ведь не знаешь физику. Ты зачем, ты куда шел, ты на что надеялся? Вот сейчас я бы дал тебе правильные решения. Ты бы занял первое место, и тебя от района направили в Пензу на областную олимпиаду. Но там бы меня не было. И на кого бы ты рассчитывал? И тогда кого бы ты подставил – ты подумал?»

Первые минуты я, конечно, не мог осознать правоты отца – бурлила кровь! А потом посидел, подумал. Действительно, что бы было, когда бы я приехал в Пензу и ничего бы не решил? Это был бы такой позор! Я подставил бы всех учителей, район и прочее, прочее. Таким примером отец показал мне, что в жизни надо полагаться на свои силы. Их надо оценивать реально, соразмерно. Не надо их преувеличивать. Лучше их принизить немного. После этого я физику изучил, она стала одним из любимых предметов. Сдавал экзамен по ней и сдал очень удачно. Эти знания потом мне очень сильно помогали. А главное – после «урока» отца я научился соразмерять свои силы.

Разбой в рождество

Трагедия случилась в Рождество Христово. Жила женщина, известная, заслуженный работник медицины. В возрасте. Находилась дома с внучкой. У нее дома находилась огромная коллекция медицинских экспонатов с 1700 годов. Благо, за месяц до печальных событий она все это передала в Пензенский музей. А преступники знали, что у нее есть экспозиция, очень дорогая, именно по значимости исторической, научной. Она находится дома на Рождество.

С возрождением православных праздников вернулись и многие славные традиции. Утром ребятишки «колядуют»: ходят по домам, поют праздничные песни, читают духовные стихи, а добрые христиане сыпят им в мешок – конфеты, пряники, денежки. Вот и к этой доброй женщине позвонили в дверь. И она без задней мысли – думала: ребятишки пришли, кто еще придет в такую рань? – открывает. А в квартиру врывается... неизвестный в маске! Набрасывает на лицо хозяйки платок, пропитанный хлороформом. Та теряет сознание.

Ножом грабитель перерезал телефонный провод, чтобы женщина не смогла позвонить. И начал метаться по квартире в поисках ценных экспонатов, ради которых явился, но не нашел. Тогда сорвал со стен несколько икон, прихватил коллекцию медалей, посвященных Великой Отечественной войне в стеклянной оболочке.

Хозяйка понемногу пришла в сознание. Бандит, видя это, приставил нож к горлу пятилетней внучки: «Где экспонаты, – рычит, – где деньги? Давай!» Старушка стонет: «У меня ничего нет!» Он еще поискал – действительно, ничего нет! – ударяет ее несколько раз. Выбил несколько зубов. Хозяйка вновь потеряла сознание. А грабитель скрылся с похищенными реликвиями.

Мы прибыли на место происшествия. Конечно, были просто шокированы. Во-первых, потерпевшей на тот момент уже, наверное, было 70 лет. Учитывая состояние ее здоровья – такие удары! Даже было подозрение на перелом челюсти. Плюс сама ситуация – хозяйка была в тяжелой депрессии. Внучка – пятилетний ребенок, видела, как все это происходит, изверг с ножом избивает бабушку, грабит! Преступление вызвало большой резонанс.

Начинаем заниматься. Основная версия – преступник шел за экспонатами. Кто мог знать о ценной коллекции? Многие, слишком многие!

По крайней мере, знали все горожане, потому что это было *достояние города*. К пострадавшей приходили как на экскурсию, особенно интересовались врачи. Начинаем выстраивать версии, но какой-то зацепки пока не находим. И вдруг поступает оперативная информация: один парень – нерусский, не житель нашего района – предлагает купить иконы.

Возникло предположение, что, возможно, это как раз «наш» случай. Хотя продавец икон в Пензе находился, он к нашему району отношения не имел. Мы проверяем его по учетам, это лицо. Нам удается получить телефон «продавца». Мы с ним созваниваемся и говорим, что хотим купить иконы. Он говорит: «Я готов, но только – если сделка состоится сегодня. Потому что я ждать не буду, уезжаю из Пензенской области».

Мы приглашаем его в наш район, на трассе провести эту встречу. Продавец отвечает: «Я уже еду по трассе в сторону Москвы, минут через 30 я буду возле вашего города!»

30 минут – это очень мало для того, чтобы грамотно спланировать операцию. И тут уже в ход идет кураж, смелая импровизация. Намечаем ход событий на предстоящей «сделке» вместе с сотрудником. Я был начальником розыска, а он – старшим опером. Понимаем друг друга с полуслова. У нас есть определенный дресс-код: рубашка, галстук. Повольнее одеваюсь: джинсы, рубашка. Слава Богу, выходной день был, он еще с небольшой кепкой пришел.

Находим машину, частную, легковую. У таксистов берем шашечку на свой автомобиль, чтобы не было подозрений. За руль садится еще один опер, и выезжаем на встречу с продавцом. Подъезжаем. А невдалеке нас страховали сотрудники ГАИ. Мы же не знаем, сколько с этим жуликом подвалит «братвы». Неизвестно нам и то, в какой машине он направился в сторону столицы.

Наш замысел был таков: происходит встреча, и «покупатель» предлагает: отъедем в сторонку – здесь место открытое, небезопасно! А там, в сторонке, их поджидают гаишники, останавливают, якобы за нарушение. И в ходе осмотра находят похищенное, если это преступники. Мы не могли расшифроваться, что «таксист» и «покупатель» – сотрудники милиции. Чтобы не «спалить» своего человека, который нам дал ценную информацию.

Вскоре жулик приезжает на место встречи. Садится к нам в машину, так называемое такси. И показывает то, что у него есть – иконы, медали. Сотрудник видит: все вещи – с места «нашего» преступления.

– Говорит: еще доски есть? (сленг – иконы).

– Да, есть и еще!

– Здесь не очень хорошо стоять, давай отъедем! – предлагает оперативник. – И там рассчитаемся.

Участники сделки отъезжают по заранее намеченному нами маршруту. Их останавливают сотрудники ГАИ, делают досмотр. Оперативники удачно играют свои роли: один – таксист, второй – покупатель. Гаишников предупредили, чтобы не выдали наших. Сотрудники ГАИ удачно подыгрывают – остановили, проводят досмотр: «Это что такое?!» Неподдельное изумление и возмущение при виде похищенных икон.

Вызывают группу захвата. Приезжаем. Я тоже играю роль: «Так, кто такие, откуда, куда, чего везем?»

«Таксист»: Вот, меня попросили подвезти, а сами мотаются туда – сюда!

Опер – «покупатель» оправдывается: «Я хотел приобрести антиквариат!»

(Нам необходимо, чтобы эти показания были! Потому что жулик мог сказать: «Я ничего не знаю, в их машине иконы нашли, с них и спрашивайте!»)

А тут уже показания дают, и мы всех троих: «таксиста», «покупателя» и жулика сажаем в милицейскую машину и везем в отдел. По дороге вспоминаю: гаишников-то я предупредил, а в дежурке никому ничего не сказал! Сейчас заведу этого жулика и своих двоих, а мы на всех наручники надели. Войдем в таком «маскараде» в дежурку, как бы там не случилось прокола!

Спросят вдруг: «Максим Юрьевич, а что это, наши парни – в наручниках?» Я мог надеяться только на удачу! Только бы у нас никто не проговорился, не подвел!

Картина: открывается дверь в дежурную часть, заводим жулика, «покупателя» и «таксиста». У всех, кто в дежурке, квадратные глаза! Я сзади иду, палец к губам, показываю: тихо! не говорите ничего! Мы их заводим, нашего закупщика и этого вора сажаем в одно место. Опер жулику говорит: «Это ты меня подставил! Вот что получилось!»

Жулик его успокаивает: «Ничего не бойся, я все на себя возьму, я не буду говорить, что ты у меня хотел купить».

– А те доски, о которых ты говорил, – смягчается «покупатель», – они паленые, непаленые?

– Паленые!

– Они хоть где лежат-то, если тебя закроют, я съезжу, их найду!

– Там-то и там-то. Перепрячь, а то вдруг чего!

И мы получили всю информацию. Всю основную. Я вызываю в

кабинет жулика. Заходит, садится:

– Начальник, ты этих отпусти, они не причем. Это ж так они подъехали. Ну да, хотел предложить, но они не в курсе, без понятия!

Он же не может перед теми парнями себя плохо показать. Он же думает, что они преступники. Тоже в этом замешаны. Жулик все рассказывает, все про преступление, от кого он узнал – у них целая схема была. Один кореш им сказал, что есть такая ценная экспозиция. Он должен был напасть, ограбить, другие должны были перепродать. Но в нем заговорила жажда наживы – хотел сам все продать. Он думал, что иконы – тоже историческая ценность. Он все рассказал.

А я должен до конца роль сыграть, чтобы отпустить оперативников. Я их вызываю. «Таксисту» пальцем грожу: ты смотри внимательнее, кого берешь, а то в следующий раз вместе с ними попадешь!

– Да-да, вы уж извините!

Второй – «покупатель» – заходит.

– Мы тебе простим эту покупку, но чтобы ты больше такими вещами не занимался!

«Покупатель» удаляется – тоже с извинениями и обещаниями исправится.

Мы арестовали этого жулика. Своим «артистам» говорю: вы только до конца следствия жулику на глаза не попадайтесь, чтобы он не понял.

Хитрая получилась комбинация, развели – и преступник нам все рассказал!

След из прошлого

Был сентябрь, четвертое число, – вспоминает Максим Юрьевич. – Поступило сообщение: найден труп девушки. Выезжаем на место происшествия. Уголовный розыск, участковый, прокуратура, начальник РОВД. На пустыре лежит труп девушки, полностью раздетой. Причем рядом с ней нет предметов ее одежды. Ни одного – ни обуви, ни трусиков, ни юбки, ни кофточки. Есть телесные повреждения. Видны следы насилия, ее задушили. Поза такова, что, вероятно, был совершен половой акт. И труп лежит дня три. По некоторым специфическим признакам.

Начинаем заниматься. В первую очередь установили личность погибшей. Девушка жила недалеко от места, где нашли тело. Метров 500 от этого пустыря. Жила с родителями, не замужем. Работала на предприятии. Очень часто ходила в один из баров в этом микрорайоне.

Одна из основных версий: преступник – кто-то из посетителей бара. Три дня назад перед смертью девушка посетила это заведение. Установили всех, кто был в этом баре. Труд кропотливый, невероятно тяжелый: потому что в баре, понятное дело, потребляют спиртное. Для многих клиентов все дни – как один. Они путаются в датах, путаются во времени. Когда установили, с момента убийства прошло уже не три дня, а пять.

Начинаем раскручивать, всех проверять. Очень много судимых, и к тому же – за тяжкие преступления. Очень многим погибшая нравилась как женщина. И пусть они не домогались, но какие-то знаки внимания в том же баре ей оказывали. Девушка не была легкого поведения, хотя бар посещала, может быть, с целью знакомства.

Но грубые, явные знаки внимания она пресекала, отвергала. Невольно напрашивалась такая версия: кто-то из посетителей подвыпил, стал приставать, девушка отвергла его домогательства и тот ее убил. Такая была версия – часть оперативников отрабатывала ее.

Было и другое, довольно достоверное предположение. В том же районе жил один психически больной. Начинаем с ним заниматься. Любопытное получилось общение! Он шизофреник – у него речь немного приторможенная: «Ольга? Я ее знаю. Она мне очень нравится. Я ее пару раз провожал до дома. Но она всегда говорила – ты дурак, не ходи за мной! Но она мне очень нравилась!»

У нас аж руки зачесались! Вроде близко!

– Чем ты занимаешься, что делаешь?

– Я очень люблю смотреть фильмы про убийства. Про Машу – следователя. (Как раз шел сериал «Тайны следствия») Я, – говорит, – люблю этот сериал!

Шизофреник, потерпевшая нравилась, несколько раз провожал ее, смотрит фильмы про убийства. Господи, да тут близко-близко!

Дальше работаем, ищем и выявляем очень важную свидетельницу. Самогонщицу! Она долго не говорила, при даче показаний пришлось бы признаться в продаже самогона. Убедили ее, что нужно дать показания. Шинкарь и говорит: «В ночь перед убийством Ольга заходила с неизвестным мне парнем, попросила бутылочку вина».

Потерпевшая пила только вино. Не водку, а вино. А самогонщица еще вином приторговывала. С девушкой был парень. Высокий, «темненький». Она общие приметы запомнила, была ночь.

– Но, – говорит самогонщица, – я хорошо запомнила походку этого парня! А у него походка своеобразная была, вразвалочку. Как у орангутанга, размахивая руками, с ноги на ногу. Как у Григория Распутина (Пикуль описывал, у меня такая была ассоциация!)

Мы проводим оперативное опознание, самогонщица смотрит на походку шизофреника. «Похож! – такая же походка». Нам пришлось брать книги по психиатрии, изучать все про шизофреников. Как они воспринимают. Как их разговаривать. Все изучили. Пытались доказать. Провели обыски у него. Одежды не нашли!

Отрабатываем тот бар. Отрабатываем судимых. Ее связи. Полтора месяца – ничего нет! И в отношении психически больного, кроме того, что я рассказал, больше ничего нет. Хотя было похоже – соседка самогонщица опознает! И основные косвенные моменты, которые могут указывать на его причастность. Когда ему стало известно, что Ольга убита, он так спокойно к этому отнесся – это тоже насторожило. Убийцы обычно разыгрывают незнание. Бьемся, бьемся – ну никак!

Понимаем, что версия с психом нас ни к чему не приведет. По крайней мере, на этом этапе мы ее не сможем доказать. Нужно его вывести из себя – психологически, как Раскольникова у Достоевского! Выяснить его причастность. Тоже игра, вопросы – ловушки. Опять же не получается!

Начинаем расширять круг версий. Решили посмотреть: а были ли аналогичные случаи? Убийства, или изнасилования без убийств, когда преступник брал одежду. Приходит ответ, что таких случаев не было. Не то, что в нашем районе, а вообще в области!

Начинаем вручную смотреть все материалы – не было ли возбуждено дело по изнасилованию, или по попытке изнасилования. Сначала по

прошлому определить человека, а потом перейти к настоящему.

И находим материал. Хорошо, что он не был уничтожен, может быть, мы бы не раскрыли преступление. Материал был восьмилетней давности. Шла девочка, к ней подбежал парень, стукнул ее, содрал с нее всю одежду, потом пытался изнасиловать, но ничего не получилось, она закричала, кто-то по улице шел, он собрал всю одежду и убежал. Такой был момент.

И эта девочка только описывала преступника, но он не был установлен. Нам сначала пришлось вернуться к тому материалу. Та девочка уже стала большой. Опять – как она описывала того преступника, какие у него были приметы. Сопоставили приметы, по возрасту, где это было совершено. Тот первый случай – в другом районе города. Стали анализировать, кто живет, кто это. И вышли на предполагаемого человека, преступника, который как раз в этом доме живет. У него такая же походка своеобразная. Стали пристальнее парня изучать – он оказался довольно своеобразным человеком.

Избегает общения с девушками, хотя лет ему уже 25 лет. Парень одинокий, у него нет друзей. Но он работает в автомастерской, в том районе, где нашли Ольгу. То есть у нас в руках оказалась привязка как раз к месту преступления!

Начинаем смотреть – рабочий день у него заканчивался в 9 часов вечера. И он оттуда шел пешком к себе в другой район – примерно 5 км. Его дорога пролегла как раз мимо этого бара! Вполне достоверно наше предположение, что Ольга, выходя из бара, скорее всего с ним встретилась! Делаем у него обыск – ничего не находим. Но парень ужасно нервничал – его практически трясло. Все-таки установили – это он! Запутался парень в своих показаниях и во всем признался.

Как он сам рассказал, возвращался домой с работы, а Ольга вышла из бара. Они не были знакомы. Ольга была очень сильно расстроена. Чем? – до сих пор остается загадкой. А парень, заметив такое ее состояние, предлагает: «Здравствуйте, давайте вместе выпьем!» И она, обычно такая неприступная, отвечает: «Давайте!»

Они разворачиваются, идут к самогонщице за вином. Купив спиртное, они отправляются на тот самый, роковой для Ольги пустырь. Здесь они выпивают вино, и девушка говорит: я пойду домой. Но маньяк, внезапно преобразившийся в зверя, рычит: нет! Он наносит Ольге страшные удары, сдирает одежду и душил. Удушил и изнасиловал, уже мертвую. После этого собрал одежду. Унес ее очень далеко. Закинул на гараж. Потом убийца показал нам это место – вещи там и лежали.

Сколько было версий, предположений, догадок! Подозревали даже

бедного шизофреника. Ведь все вроде бы сходилось!

Раскрывая дело, чувствуешь облегчение. Осознание того, что сделал важное дело. Вот как я настраиваю своих подчиненных, так же и нас настраивали. Пока маньяк ходит по улицам, нет никакой уверенности, что следующей жертвой не будет моя жена или моя дочь. И так каждый должен настраиваться, пока мы его не поймем. У каждого близкие родственники под прицелом. Конечно, есть чувство определенного удовлетворения, что все-таки установил, все-таки поймал! Меня часто спрашивают:

- Максим, ты охотник?
- Нет.
- Был на охоте?
- Нет.
- Ты рыбак?
- Нет.
- Съезди с семьей, порыбачь!
- Не хочу!
- А почему?
- Мне на работе хватает адреналина!

Это инстинкт охотника – поймать «зверя» и изобличить его. Ведь преступник тоже все продумывает, старается быть незамеченным на месте преступления, скрыть свои следы.

Любое дело – необычно

Первое задание

Мое первое серьезное испытание, – говорит полковник, начальник полиции Пензы **Павел Владимирович ГАВРИЛИН**, – началось на... лесоповале. В органах я проработал тогда буквально два месяца. Это был действительно серьезное задание. В совхозе Мичурина заготавливали лес. И продавали физическим лицам – кто строил дома, кто готовил дрова.

Меня поразило то, что я увидел. Такая картина для молодого оперативника стала вроде открытия. Люди спали на снегу! – устроили лежбище и устраивались на ночь вповалку, четыре – шесть человек. Тут же, на костре, готовили. Просто не выходили из леса, существовали за счет того, что валили деревья. И, казалось бы, такое трудолюбие, такая самоотверженность достойна восхищения.

Но не было восхищения, а происходило натуральное... хищение! Дело в том, что эти трудолюбивые дровосеки воровали лес в неограниченном количестве! По краже леса было возбуждено уголовное дело, хорошо обоснованное. Задержали, помнится, четырех человек. Это было началом моей работы.

Мошенники обнаглели

Мы занимались вопросами, связанными с раскрытием экономических преступлений на территории Пензенской области. Откровенно говоря, нам это удавалось. У нас были и серьезные задержания.

Попадались нам на мошенничествах и организованные преступные группы. Многим пензенцам памятна ситуация, когда у нас процветали так называемые бартерные сделки – забирали товар, его обналичивали, продавали дешевле и так далее.

В 1996 году мы задержали одну даму, которая, собственно говоря, занималась мошенничеством в сфере продуктов питания. Девушка – жительница одного из районов Пензенской области. Она «кинула» множество коммерческих организаций. Мы ее задержали. По-моему, ее осудили на пять лет лишения свободы. Отсидела, но не исправилась. Привлекали еще раз к уголовной ответственности, уже без меня. В 2003 году я поступил в Академию МВД.

Обстановка экономической нестабильности, неуверенность людей в завтрашнем дне – самая благоприятная пора для всякого рода ловчил и аферистов. Кризис 1998 года вызвал проблемы, связанные с мошенничеством в сфере недвижимости. Не очень чистоплотные коммерсанты стали заниматься якобы продажей квартир, а на самом деле, откровенным жульничеством.

У нас была фирма – ***ЛТД. Занимался ей небезызвестный Памир Григорьевич Алексахин. Он отсидел за свои «фокусы», сейчас продолжает коммерческую деятельность. Реализовывал квартиры, которые ему не принадлежали. Люди продавали последнее, желая улучшить свои жилищные условия – приходили к нему.

А он реализовывал... «воду». Говорят, он сумел продать одну квартиру (ему не принадлежавшую!), семидесяти покупателям. У Алексахина была коммерческая организация – он занимался поставками стройматериалов – под этим видом еще занимался и мошенничеством.

Вспоминается случай, когда следователям и оперативникам УБОП пришлось решать поистине головоломную задачу. Зато результат превзошел все ожидания: раскрыты два «зависших» убийства, два покушения на убийство, несколько разбойных нападений, кражи, мошенничества с продажей и обменом квартир. И все это – дело рук одной преступной группировки.

Исчезновение с инсценировкой

В милицию обратилась дочь неожиданно пропавшего жителя Пензы Н... В ходе расследования выяснилось, что Н. отправился... в Воркуту. Это подтвердили и в кассе железнодорожного вокзала, где был приобретен билет на имя этого гражданина, да и проводник вагона подтвердил, что пассажир с таким именем вошел в вагон в Пензе.

И тем не менее человек исчез. И найден он был, вернее, его труп, не в Воркуте, а в лесу недалеко от Пензы. Оказалось, что убийцы «инсценировали» отъезд Н. на Север, чтобы замести следы преступления! Умелыми профессиональными действиями сотрудники УБОП смогли обезвредить опасную группу, в течение почти трех лет занимавшуюся скрытно противозаконной деятельностью.

Убит в подъезде

Это преступление вызвало большой общественный резонанс – убийство замдиректора центрального рынка. А у нас уже была определенная информация, что в городе активно действует банда из Волгограда. «Гости» не брезговали никакими преступлениями, в том числе и убийствами.

В конце декабря 1998 года в подъезде собственного дома был убит заместитель директора Центрального рынка города Пензы Игорь Железников.

В Волгоградской области задержали подозреваемых в убийстве. У них изъято большое количество огнестрельного оружия, в том числе автомат с глушителем.

Оперативникам неожиданно помогла бойкая старушка, ставшая очевидицей и свидетельницей подготовки расправы. Пожилая соседка убитого в тот день, как всегда, «загорала» на лавочке. И не могла не обратить внимания на двух незнакомых парней, которые вроде бы беспричинно слонялись в подъезде, часто выглядывали во двор: они явно кого-то ждали! Боевая старушка не утерпела, спросила у подозрительных чужаков: что они тут потеряли?

Когда парни лишь нагло рассмеялись в ответ, настойчивая бабушка потребовала, чтобы незнакомцы предъявили документы. Один из парней помахал перед носом старушки раскрытым военным билетом, быстренько сунув его обратно в карман.

Не думал бандит, что за какие-то мгновения пожилая женщина не только прочтает, но и запомнит фамилию и имя владельца документа! Да еще место и дату выдачи военного билета. А оперативникам старушка смогла довольно точно описать внешний вид преступников.

– Мы по линии экономики тоже участвовали в раскрытии преступлений банды гастролеров, – продолжает рассказ Павел Владимирович. – Она была сформирована так, что были и исполнители, и организаторы – и люди, которые занимались финансированием гангстеров. Там был человек, который занимался мошеннической деятельностью (тоже строительством, кстати говоря!)

Он якобы осуществлял поставки от несуществующей организации строительных материалов. Потом забирались квартиры, реализовывались, деньги тратились на существование бандитской группы. Мы занимались

этим вопросом – я тогда был начальником отделения.

В банде был некий Петелькин (фамилия изменена). Собственно раскрытие и пошло от этого Петелькина. Человек, который в итоге понял, что неправильно себя ведет. Сознался в этом – это стало толчком к раскрытию преступлений банды.

Оправдать или... расстрелять?

Любое дело необычное – все люди разные. Помню один момент, когда уже работал в уголовном розыске. Сотрудники уголовного розыска задержали (отдел по имущественным преступлениям) одного жителя области, который совершил целый ряд преступлений: изнасилование, разбой, грабежи и так далее.

Сожительница – учительница, которая работала в школе – каждому своего действию возлюбленного находила оправдание. Изнасилованная женщина должна была быть благодарна за то, что на нее обратили внимание! Бабушка убита? (в конечном итоге она умерла, не выдержало сердце) – так ведь она уже прожила свой век! Разбойное нападение? Надо было отдать ее «герою» то, что он требовал! Если бы отдали похорошему – ее «красавчик» ножом бы не размахивал! Вот какие убедительные доводы приводила потерявшая ум и совесть учительница, защищая дружка – головореза!

А когда, допустим, украдут у нас тапочки – у обычного человека – мы сразу говорим: ворюге – смертная казнь! Поэтому, я думаю, каждое преступление, которое совершается – даже банальная кража, все равно отличается.

Было две женщины – родственницы, продали старую квартиру, продали все оставшееся имущество. И тут узнают, что никакого отношения к новому жилью не имеют. Люди от таких «новостей» просто-напросто теряли сознание.

Естественно, для них это было серьезным потрясением. Можно было работать не таким образом – не травмировать, ну а как не травмировать – здесь объективная реальность. Волей – неволей объясняешь: в отношении их было совершено мошенничество!

В этом и заключается принцип мошенничества – мы, наивные, верим, что так и будет, как пообещал аферист. А в итоге – ничего нет!

Уникальный мерзавец

Я только что пришел в уголовный розыск в 2005 году после окончания Академии. В поселке Камешкир задержали незаурядного преступника. Задержанный долгое время проживал там, любопытна его история. Он ранее судим, потом его опять арестовали – находился в следственном изоляторе в Сызрани, совершил побег и долгое время находился в розыске.

За это время, пока беглец находился в розыске, произошло порядка 70 всевозможных краж. Причем, это был очень «разборчивый» похититель.

Скажем, находился в Саратове и решил переехать в Пензенскую область. Понравился ему автомобиль – «десятка». На тот момент – модная машина. Он издали наблюдал, где владелец ставит свою «десятку». Ночью пришел к гаражам, но не запомнил, какой ему нужен.

Вскрывает один гараж – там стоит «Вольво»! Он брать не стал. Вскрывает второй гараж – там «Волга»! Даже не взглянул. Вскрывает следующий – видит, «его» «десятка»! Открывает машину – нет аккумулятора. Вскрывает четвертый гараж – там тоже новая «десятка» – с аккумулятором!

Ее не взял – снял аккумулятор, поставил на «свою десятку», и на ней вернулся в Пензенскую область, где впоследствии мы его задержали. Сам по себе он был спортивный такой – занимался борьбой. С помощью отвертки вскрывал металлические решетки. Если решетка была за окном, он отгибал ее и проникал в дом.

Был такой интересный момент: в доме была собака, породистая! Она в доме, хозяева спокойно спят. И наш «герой» сумел залезть в эту квартиру, обокрасть ее и вылезти. При этом ни собака не подала голос, ни хозяева, естественно, ничего не слышали.

Уникальный такой мерзавец. В конечном итоге он был задержан, осужден на 8 лет лишения свободы. Наворовал столько, что было более 50 эпизодов доказано.

Он проживал в Камешкире, сошелся с женщиной – молодой девушкой. Она родила ему двоих детей, он отремонтировал дом. И односельчане ничего подозрительного за ним не замечали – уникальная личность! К сожалению – преступник. Но, тем не менее, вот такие у него незаурядные способности и возможности, достойные лучшего применения.

С пульей в голове

В Кузнецком районе появилась преступная группа. Она орудовала и в Камешкирском районе. Бандиты едут на очередное «дело», и у них кончается горючее.

Останавливаются около «Газели». Начинают сливать бензин. Хозяин слышит, что облегают без спросу его бак. Выходит – начинается скандал, а у одного из бандитов травматический пистолет. Он стреляет владельцу «Газели» в голову. Пуля застревает в лобной части.

Потерпевший был связан обещанием съездить в Москву за товаром. Так вот он утром встал и поехал в столицу. Вернулся – и следовательно (женщина) заставляла его идти к врачам, за руку тащила в больницу.

Он говорит: некогда мне, детей кормить надо! И не было от него заявления о нападении и ранении. Когда задержали самих бандитов, они рассказали про этот эпизод. И мы пришли к пострадавшему водителю, говорим: «Вот, мы бандитов задержали». И за руку отвели этого серьезно раненого человека в больницу, чтобы ему сделали операцию и вытащили злосчастную пулю.

Призвание

Виктор Николаевич БУЛУШЕВ, считает, что ему повезло. «В моем роду семь поколений служили царю-батюшке, охраняя закон и порядок в государстве, – с гордостью говорит генерал-майор милиции в отставке. – Видимо, это повлияло на мой выбор профессии».

Но это не значит, что в молодости Виктор Николаевич выбрал свой жизненный путь без колебаний. Его привлекал труд в сельском хозяйстве. Заманчивой казалась и работа строителя.

И все-таки молодой человек решил следовать семейной традиции. Учился в Саратове в специальной школе милиции, получил звание лейтенанта, продолжил образование в Саратовском юридическом институте. «Родители одобряли мой выбор. Они во всем поддерживали меня. Профессионально я вырос здесь, в Пензе».

Видимо, сказались гены – Виктор Николаевич стал признанным мастером своего дела. Он раскрыл множество преступлений, в том числе и «громких», не меньше, чем прославленные корифеи уголовного розыска.

Первые... разочарования

Старушка хранила деньги в банке. Нет, не в финансовом солидном учреждении, а в обыкновенной, стеклянной литровой банке, да еще, для пущей надежности, спрятав банку в подвал. И надо же! – какие-то негодяи сумели выкрасть сбережения бабушки из такого «надежного» хранилища!

– Было это в Железнодорожном районе, – вспоминает Виктор Николаевич. – Мы выехали со старшим офицером на место преступления. Старушка плачет, убивается: деньги у нее похищены прямо из квартиры. Только наш руководитель весел: сейчас, мол, все выясним, все разузнаем! Была в нем какая-то лукавинка, и лукавинка, прямо скажем, недобрая.

Спустился наш шеф в подпол и что-то долго там находился. Потом позвал следователя. А мы свое дело делали: расспрашивали соседей и так далее. И вдруг он вышел, отозвал нас в сторону и говорит:

– Ребята, скиньтесь по полтиннику!

– А что такое?

– Потом расскажу!

Оказывается, жена дала ему на обед только рубль. Он его порвал на мелкие кусочки и скинул в подвал. Потом объяснил горевавшей бабке, что виноваты... грызуны! Даже стеклянные осколки хозяйке показал. Видимо, хитрец не терял времени даром, «раскрошил» в подвале пустую банку – для того, чтобы убедить старушку в правдивости своей «версии». На самом деле это было, конечно же, преступление. Никогда не забуду грустных глаз обкраденной хозяйки, так и не дождавшейся помощи от нас, сыщиков.

Я поклялся в душе никогда не заниматься такими вот «фокусами». Да и первый мой начальник – Александр Семенович Фролов – учил нас честному, добросовестному отношению к своим обязанностям.

Но тогда, к сожалению, и такое случалось у иных «ловких» оперативников. Поэтому и статистика краж выдавала скромные, небольшие цифры – сыщики искали способы отказать в возбуждении уголовного дела. К сожалению, это было. Потом все поменялось – с созданием картотек, учета заявлений жизнь любителей ловчить стала намного труднее.

Охота на «гастролеров»

По мере профессионального и служебного роста все сложнее становились и проблемы, которые приходилось решать сотруднику уголовного розыска. «Примерно, в конце 80-х – начале 90-х годов в наш областной центр повадились межрегиональные преступные группы. «Гастролеры» заезжали в города России, грабили квартиры, совершали и другие преступления, а потом скрывались.

Были этнические группы, скажем, грузинская, которая специализировалась только на кражах из квартир. Многие пензенцы пострадали от этих заезжих молодцов. Они приезжали, снимали здесь квартиру, группа состояла из трех человек.

Три грузина, изучив город топографически, «пробивали», то есть узнавали, адреса богатых людей, имеющих деньги и золото. Почерк преступников нам был абсолютно неизвестен. Дверные замки они открывали спокойно, без помех, и, уходя с награбленным добром, аккуратно... закрывали!

И так – во всех четырех районах! Мы обходили жителей, просили их вставлять вторые замки. То есть, это была наша информационная атака на воров. Но и эти меры не приносили желаемого результата. Квартиры пензенцев по-прежнему подвергались периодическим набегам гастролеров.

«Я сделал вывод, – вспоминает Виктор Николаевич, – преступления носят профессиональный характер. Потому что люди, которые, так умелы в своем нечистом ремесле и столь неуловимы, проходят очень серьезную подготовку».

Чтобы вскрыть, замок нужен инструмент. Чтобы научиться проникать в чужое жилище без особого труда, нужны годы «тренировок». Необходимо проходить практику в криминальных кругах. Например: пройти сквозь стекло, не оставив следов.

Я назвал эти преступления профессиональными еще и потому, что совершались они группой, носили групповой характер. Хотя не было еще понятия организованной преступности. При советской власти профессионализм в преступности отрицался. Профессиональная преступность противоречила идеологии и... законодательству.

Попробовали выйти на след «гастролеров» через рынок сбыта – ничего! Преступники работали периодически – по 10 дней. Из других городов получили информацию: там совершалось подобное, но в другие

сроки. Получили лишь подтверждение – действуют «гастролеры».

Путем активных поисков выяснили, где они снимают квартиру, нашли один адресок, получили описание личностей. Установили слежку. И вот поступил сигнал – гастролеры прибыли! Но как говорится: не пойман – не вор. Необходимо было взять гастролеров с поличным.

Они выбирали объект, долго следили. А мы следили за ними! Ограбление совершали с 10 до 12 часов. Мы оцепили место, выехали на задержание. Поймали их с ценностями и воровскими инструментами.

На квартире, которую снимали «гости», нашли маски, оружие, их документы. Выяснилось, что они все ранее судимые, еще на территории Грузии. Вначале никто из них признательные показания не давал. Пришлось доказывать за счет вещественных доказательств и материальных признаков преступлений. Из трех показания дал только один. Собиралась информация из других регионов. Соединили 15 уголовных дел в одно.

Что было удивительно по тем временам: «домушники» оказали при задержании яростное сопротивление. Но на этом «сюрпризы» грузинских грабителей не закончились.

Психическая атака в зале суда

Расследование шло около семи месяцев. Сложность состояла в том, что это были межрайонные преступления, да плюс – из других регионов приезжали сотрудники, оперативники, и тоже занимались с подозреваемыми. В результате совместных усилий мы предъявили обвинения «гастролерам». Сформировали перспективу рассмотрения этих 15 уголовных дел, сведенных в одно дело.

Когда шайку привезли уже в суд – вызвали меня в качестве свидетеля. Тогда служители Фемиды практиковали вызовы сотрудников милиции. Двое из подсудимых ушли в «несознанку», один дал показания. Поддержать попавшихся «коллег» приехали бандиты из Грузии, а также родственники подсудимых.

Не успел войти в здание суда, начались попытки запугать меня, оскорбления. Это продолжалось и во время процесса. Дикая толпа «болельщиков» была прекрасно информирована о моей роли в расследовании уголовного дела. Утверждаю это хотя бы потому, что меня пытались подкупить. Не получилось!

Тогда земляки подсудимых избрали другую тактику. Вели себя в зале суда агрессивно, безобразно – для того времени это было нехарактерно. Когда я изучил историю грузинских организованных преступных групп, мне стало ясно, что для них такое поведение публики в ходе судебного расследования стало привычным приемом. Подобным образом «болельщики» пытались воздействовать на служителей Фемиды, свидетелей.

В Грузии уже тогда были организованные преступные группы, но не было еще закона, предусматривающего их деятельность. Привлекались они к уголовной ответственности, как «группа по сговору». Хотя у них был лидер, и все роли были распределены: взломщик, сбытчик и так далее.

Позже сформировались новая правовая политика, новые законы – уже после развала Советского Союза. Преступники получили реальные сроки от 5 и более лет. Были и угрозы нашим работникам, но ребята не пасовали. Тогда мы были хорошо защищены Законом. Волна квартирных краж прекратилась – люди были благодарны нам.

Вор в законе

– Однажды у меня состоялось довольно необычное знакомство, – вспоминает Виктор Николаевич. – Входит в мой рабочий кабинет гражданин средних лет, прилично, можно сказать, даже с изыском одетый, и представляется: «Лев Шишкин!»

– Что же, – говорю, – очень рад, с чем пожаловали?

Тут жизнерадостный посетитель несколько загрустил: «Знаете, уважаемый начальник, я ведь только на днях освободился из колонии, и прямо – к вам!»

Как я узнал позже, у Левы Шишкина – «вора в законе» – был такой обычай или традиция – назовите, как хотите – сразу после очередной «отсидки» посетить начальника районного отдела милиции и заверить его в том, что он «окончательно исправился». Создавал вид человека покорного, рассказывал, что начинает новую жизнь.

Вот и меня Шишкин принялся убеждать в том, что ему «очень стыдно за свое преступное прошлое», что он «больше никогда, ни за что...»

Лева обладал незаурядным даром убеждения, он умел покорить собеседника остроумием, обаянием, искренностью (разумеется, фальшивой), умел войти в доверие к любому. Немало людей становилось жертвами благодаря именно этим его непревзойденным способностям. Я слушал его с удовольствием и не верил ни единому его слову. Во-первых, я знал о его «богатом» уголовном опыте. Во-вторых, интуиция подсказывала мне, что мой собеседник не раз еще «сорвется».

Не поверил я Шишкину, специалисту по карманным кражам, а поручил ребятам приглядывать за ним. Нас интересовало его поведение в общественном транспорте. Интуиция меня не подвела: вскоре дежурный мне докладывает: нашего раскаявшегося, начавшего новую жизнь Леву поймали в автобусе... на карманной краже!

Когда он вновь очутился в моем кабинете, уже в качестве подследственного, я не удержался, спросил: «Лева, как же так? У тебя – прекрасная семья, дом – полная чаша! Чего тебе еще нужно было?»

И тут он признался с неподдельной искренностью: «Начальник, когда я увидел, как у женщины, стоящей рядом, тугой кошелек из сумочки «прет» прямо на меня, рука – поверите ли? – сама! ав-то-ма-ти-чес-ки сработала!»

Ничего подобного не совершая, Лева мог прекрасно жить. Неординарная личность, незаурядная – а так бездарно загубил себя.

Вор в музее

Я подолгу задерживался на работе, – продолжает Виктор Николаевич, – уходил домой после 23 часов. Это было связано с закрытием ресторанов – ведь подавляющее большинство из них находилось в нашем районе. Покинувшая питейные заведения публика частенько становилась инициатором всяческих шумных историй.

И вот, как-то поздним вечером, после 22 часов дежурный докладывает: «В музее Мейерхольда сработала сигнализация!» А ведь известно: у преступников всегда был интерес к музеям, и хранилища раритетов находились под нашим особым наблюдением. Почти мгновенно после получения тревожного сигнала наши сотрудники оцепили музей. После осмотра здания обнаружили и след проникновения преступника – одно из окон было разбито.

Но прячется ли грабитель внутри музея или успел скрыться с ценными экспонатами? На этот вопрос у нас нет ответа – без представителя этого учреждения культуры мы не имеем права войти в хранилище! Наконец, долгожданный распорядитель появился, и мы смогли заняться расследованием.

В самом дальнем зале, в самом дальнем углу находим человека, безуспешно прятавшегося от стражей порядка. Надеваем ему наручники и видим, что «ночной посетитель» приготовил к выносу из музея личные вещи великого режиссера, какой-то, видимо, очень дорогой подсвечник...

Задержанного ночного «посетителя музея» доставили в мой кабинет.

– Что же, – говорю, – давайте знакомиться!

– Я – Воробейчик!

– Какой Воробейчик? Фамилия, что ли, такая? Предъявите, пожалуйста, паспорт!

– Паспорта нет, – отвечает, – только водительские права!

Посмотрел его права – действительно, Воробейчик.

– Откуда вы?

– Я – из Москвы!

– Как здесь – то оказался?

Тут любитель раритетов безнадежно махнул рукой:

– Да вы все узнаете, когда заглянете в мое досье! Я пять раз судим, и каждый раз – за кражи...в музеях! Я всегда даю правдивые показания – почему? Меня всегда задерживали с поличным!

И с нами Воробейчик был абсолютно откровенен. Рассказал, как узнал об объекте новой кражи: увидел по телевизору передачу о музее Мейерхольда, решил «навестить» Пензу. В ожидании благоприятного для преступления времени посмотрел фильм в кинотеатре «Современник».

К этой «экскурсии» рецидивист как-то особенно даже и не готовился – рассчитывал на «рывок». Был уверен, что «в такой глубинке» милиция просто не успеет своевременно среагировать на сигнал тревоги. Каково же было его удивление, когда почти сразу у разбитого им окна появились милиционеры!

«Профессионал по музейным кражам», как гордо называл себя Воробейчик, не удосужился даже обследовать место предстоявшего «рывка», полюбопытствовать, какие рядом с музеем находятся здания. А ведь районный отдел внутренних дел располагается в двух шагах от музея Мейерхольда!

По кровавому следу

Вечером на площади Ленина прохожие наткнулись... на труп! Незнакомый скончался от ножевого ранения в сердце. На место происшествия молниеносно прибыла наша оперативная группа. Еще бы: убийство в самом центре Пензы, перед Домом правительства!

По кровавому следу, тянувшемуся за погибшим, оперативники вышли на новостройку. Именно здесь бедолага получил смертельное ранение. Истекая кровью, он смог, однако, выбраться на площадь и пройдя несколько шагов, упал замертво.

Никаких свидетелей, ни очевидцев. Что делать, с чего начать? Благо, в оперативную группу входили опытные сыщики. И они не ломали головы над подобными вопросами, а приступили к необходимым действиям.

Сразу же сделали фотографию убитого и стали обходить... ближайшие рестораны! По логике вещей, погибший должен был начать разговор с душегубом за ресторанным столиком, прежде чем они вдвоем оказались здесь, на новостройке, для того, чтобы выяснить отношения.

В ресторане «Россия» нам повезло. Официантка не только узнала по снимку недавнего клиента (как мы позже установили, убитый «сидел» в Мордовии – в последний раз!), но и очень хорошо описала собутельника жертвы. По такому четкому словесному портрету мы установили личность убийцы. А, главное, предугадали ход его дальнейших действий. Несомненно, он спешит покинуть Пензу и наверняка уже занял место в вагоне поезда «Пенза – Москва».

Поезд еще не ушел. Мы взяли с собой официантку. Она и помогла нам опознать преступника. Задержанный недолго «запирался». С убитым они вместе отбывали срок. Тот задолжал соседу по нарам крупную сумму, а возвращать деньги не торопился. Выяснение отношений на новостройке завершилось ударом ножа в сердце должника.

Так, за несколько часов, благодаря мастерству и слаженным действиям оперативной группы, было раскрыто это «сенсационное и загадочное» преступление на центральной площади города.

Как становятся сыщиком

Несколько лет Виктор Николаевич возглавлял УВД Курской области. Благодаря его умелому руководству значительно повысилась эффективность работы сотрудников, улучшились их жилищные и бытовые условия. Люди с благодарностью вспоминают деятельность нашего земляка. Но руководство генерал-майора Булушева мы осветим лишь с одной стороны.

Дело в том, что, как признается сам Виктор Николаевич, ему приходилось действовать в двух ипостасях – администратора и оперативника – розыскника.

«До моего прихода, – вспоминает Булушев, – оперативный состав УВД был очень слабым. Накопилась масса нераскрытых тяжких преступлений. Виктору Николаевичу приходилось выступать в роли «играющего тренера» на всех оперативных совещаниях.

Брали старые дела – «висяки». Среди них такое страшное, как убийство четырех девочек, пылившееся без движения 10 лет!

«Сыщик – это от Бога, от природы. Генетические, природные возможности – это первое. Сыщиками рождаются, а доводятся они в процессе специального образования с учетом опыта работы. Потому – то из десяти сотрудников, которые приходят в органы внутренних дел, в том числе, в уголовный розыск, получается один сыщик.

Остальные уходят в другие службы – участковые, оперуполномоченные. Они не могут работать сыщиками, у них нет таких качеств. Сыщик должен быть юристом, он должен владеть многими навыками в области психологии, в области культуры. Он должен уметь воплотиться в какую-то личность, суметь расположить к себе человека, внедриться в какую-то среду, сыграть там роль, как в фильме «Рожденная революцией». Чтобы изобличить преступника, конкретного человека, нужно переиграть его роль. Только тогда ты сможешь получить результат.

Ты работаешь творчески, не воздействуешь физически. А у нас многие сотрудники грешили, я в своей жизни никого не ударил. Всегда, и в Курске, когда пришел работать, я сказал: ребята никакого физического воздействия – буду за это жесточайше карать. И делал это, если люди не умели работать, добывали доказательства путем выбивания физически.

Убежден, что в уголовном розыске уровень сотрудника должен быть выше других на несколько порядков. Он работает с необычной средой, он

должен увидеть, где, на какое «больное место» необходимо надавить. Чтобы получить нужную исходную информацию. Чтобы ее реализовать, доказать, а потом уже следователю передать – все готовенькое. Такие качества, я считаю, у настоящего сыщика – от природы».

Единственный «пальчик»

Когда я подобрал умелый, способный оперативный состав, один за другим стали раскрываться запыленные «висяки» и текущие тяжкие преступления. Предстали перед судом убийцы четырех девочек, изобличен преступник, зарезавший главного врача местного санатория. Были схвачены и «валютчики», затеявшие в Курске настоящую войну с перестрелками и убийствами.

Раскрытие одного «висяка» запомнилось надолго своей необычностью. Прошло почти десять лет, как в санатории «Маяк» крупного промышленного предприятия был убит главный врач. Его тело нашли тогда же. В кустарнике за городом на труп наткнулись прохожие. В причине смерти доктора сомневаться не приходилось – в сердце несчастного был воткнут нож.

А вот поиски убийцы зашли в тупик. Оперативники так и не смогли не только установить личность убийцы, но даже причина жестокой расправы осталась для них тайной. Возглавив УВД, я занялся, как уже упоминал, и «висяками» – так называют оперативники нераскрытые преступления. Вернулись к уголовному делу об убийстве главврача.

Где искать убийцу? Сначала пошли по старым, проторенным десять лет назад путям. Стали проверять все связи эскулапа. Область служебных отношений? Скрытно взяли все отпечатки сослуживцев. (Позже объясню, для чего мы это делали!) Нет, там подозреваемого в убийстве не нашли. Искали среди знакомых и даже родственников потерпевшего – безрезультатно! На этой стадии и закончились поиски наших предшественников. И дело повисло на десять лет.

Но мы продолжили расследование, разгадка, оказалось, была совсем рядом! Стали разбираться в семейных отношениях, в личной жизни доктора. И молодой, но способный оперативник сумел разговорить одну очень любопытную соседку врача. Та сообщила сыщику, что, оказывается, у главврача была любовница, замужняя женщина! А супруг узнал об измене жены.

Счастливый соперник разъезжал на служебной машине «Волга». Ревнивец подкараулил его на пустынной дороге, сел в «Волгу». Поехали за город выяснять отношения. Там обманутый супруг и убил соперника, зарезал его ножом. Действовал на удивление умело, в перчатках, не оставив практически никаких следов.

Но допустил «малюсенькую» ошибку: нагнул козырек, чтобы его не узнали люди. Ведь у преступника не было такой машины. Любопытный, увидев приятеля за рулем «Волги», если и не задумался бы над таким фактом, то, по крайней мере, запомнил бы его! И вот убийца одним пальцем – без перчатки (та в крови была, и он от нее избавился!) – нагибает козырек, прикрывая от любопытных взоров свое лицо. А на козырьке остался четкий отпечаток пальца. Как говорят криминалисты, оставил «пальчик».

Таким же скрытным способом, как и у сослуживцев доктора, мы получили отпечатки пальцев подозреваемого. Посмотрели: один «пальчик» – точно принадлежит ему! Пригласили подозреваемого. На столе у следователя лежал крупный фотоснимок отпечатка пальца убийцы. Он увидел изображение, понял, что изобличен, и признался во всем...

Трудную выбрал профессию

Свое главное в жизни решение **Николай Егорович ГУДОЖНИКОВ** принял еще в армии. После демобилизации сразу пошел на работу в милицию. Почему юноша остановил свой выбор на такой трудной и опасной профессии? «Да, наверное, сыграли свою роль хорошие произведения тех лет, – говорит Николай Егорович, – яркие фильмы, скажем, «Сержант милиции».

– Родился и крестился я здесь, в Пензенской области. Работу начал в Ленинском РОВД, в патрульно-постовой службе. Через 9 месяцев поступил в среднюю школу милиции Саратова. Два года проучился. По окончании – в уголовный розыск. Пачелма, Первомайский РОВД Пензы, УБОП, Академия, руководил Кузнецким городским отделом милиции, в УВД возглавлял милицию городской безопасности, и 5 лет – начальник Ханты – Мансийского УВД. Там мне и присвоили звание генерал-майора милиции. Но это – ступени жизненного пути. А начиналось все так.

Первый курьез

Стажировку я проходил в Балаково, курсантом школы милиции, под началом оперативников. Было совершено преступление – нанесены тяжкие телесные повреждения, ножевые ранения. Мы, неопытные студенты – курсанты стали заниматься раскрытием совершенного злодеяния. И молодой парнишка лет 16-ти рисует нам портрет нападавшего – от и до – и цвет глаз, и цвет волос, и все! Вот что привело нас к сомнениям – невозможно так подробно запомнить. Присмотрелись – да он сам себя рисует! Только росту преступнику добавил. Ну, еще позанимались, подловили парня на кое-каких подробностях – он и вынужден был сознаться: нападавшим был он сам!

«Накормите – расскажу!»

Запомнилось и такое необычное признание. Я уже работал в УБОП – заместителем Карташова Алексея Алексеевича. Преступление тяжкое – без вести пропала девушка. Подозрение в убийстве пало на одного человека. Тоже стали с ним беседовать, все строилось на умении вести допрос. Где-то к часам семи вечера подозреваемый вдруг заявляет: «Накормите меня – я все расскажу!» Купили батон, котлеты – накормили. И что вы думаете? Рассказал. Это он совершил убийство, тело закопал на обочине. Оперативник говорит: «Николай Егорович, давайте подождем: осень, дождь...»

– Ребята! Куем железо – пока горячо! Если он совершил убийство, то точно покажет, где закопал труп. В два часа ночи наш «подопечный» нашел это место, показал.

Мой наставник

Костяшкин Анатолий Сергеевич – мой учитель. Под его началом я работал в отделе милиции Терновки. Был замначальника управления уголовного розыска. Я от него много взял в оперативном отношении.

С Костяшкиным (он еще был начальником милиции) мы раскрутили не один десяток краж. Мелочью казалось на тот момент – для молодого оперативника. Организованные преступные группы – это сейчас они не действуют или частично действуют. А на Рябово тогда – шайка на шайке. Как ураган прошел – вскрывали склады, подсобки. Заявления, заявления – от граждан, от предприятий. Все, что можно взять, все тащили!

Но, тем не менее, надо раскрывать. Начали заниматься молодежью. Вытаскиваем одного. Дружки узнали об этом и давай все прятать – в мешки. Вырыли яму и закопали. А информация об этом «погребке» у меня уже была. Время – около 9 часов вечера.

– Ну, что, – говорю, – Алексей Сергеевич, поехали! Заберем награбленное и воров заодно «прижучим»!

– А-а, – говорит Костяшкин, – с тобой неинтересно работать!

– Чего так?

– Да вот – все раскрываем и раскрываем...

Пришли другие времена!

Началось невиданное – заказные убийства. Жена заказала мужа за сто тысяч. Его в подвал бросили, и он ногой зацепился за лестницу. Сейчас все тяжкие преступления стали обыденностью. В те годы убийства, разбойные нападения – это считалось ЧП. Все кидались: и УВД, и прокуратура – пока не раскроешь, 10-15 дней – плотно работали. Я недавно встречался с бывшим прокурором Первомайского района – Савин Юрий Николаевич – ему 78 лет, такой живчик!

Все время вспоминаю его подведение итогов. Преступность держится на трех китах: ранее судимые, алкоголики, наркоманы. Какое отношение бывшего прокурора к современному следствию? – он категорически против. Раньше прокурор был в теме, следствие рядом с ним – и занимаемся, пока преступление не раскроется. А сейчас отдельно.

Тогда вот и воры в законе зашевелились – они уже покойники все. Устинов был «вором в законе». Он с 14 лет всегда ходил под кем-то. Его и Александр Васильевич Маюлов знал – это наши ровесники.

Устинов в контакте был, рассказывал, чем занимается. (Сейчас-то можно говорить – его нет). Ну и в то же время сам в стороне не оставался от некоторых вещей. Говорит: зачем в «Литературной газете» опубликовали «Лев прыгнул»? Зачем написали эту статью и зачем расписали в этой статье, что такое организованная преступная группировка. Чем она обладает: вооруженность, характер совершения, разведка, физическая поддержка?»

«Я, будучи в зоне, прочитал, – делился впечатлениями Устинов, – и сказал: ничего себе! Это же – руководство к действию!»

Помню такой диковинный момент. Они освобождаются: Шишкин, Устинов – ну все авторитеты! А у нас создали тогда отдел во главе с А.А. Карташовым. Нам дали автобус. Главари собрались тут, на пяточке перед «Современником». Мы стоим у дома «Облпотребсоюза», наблюдаем за ними.

Они встали: машины по кругу – они в круге. По рации связь поддерживаем, а в автобусе – все оперативники. Ну, чего будем делать – то? Смотреть или брать? Я тоже не знаю, что с ними делать? «Берем!» Они пытались разбежаться: а там остались ножи, самодельные пистолеты – все побросали.

Но, тем не менее, их доставили на Некрасова. Вот тогда как раз

начинался учет этих авторитетов. Карточка, фотография. Вдоль стены стоят. Оперативникам говорю: «Авторитетов – в последнюю очередь! Пусть они час постоит – руки к стене, ноги на ширине плеч...»

Шишкин, он такой «интеллигент»: «Николай Егорович, стыдно! Давайте в первую очередь нас!» Он культурный был, никогда не позволял себе грубости на мат переходить. Если другие авторитеты, начинаешь с ними разговаривать – они много чего рассказывали, Шишкин этого никогда не делал. Мог что угодно рассказать: и о погоде, и о природе, чуть ли не о политике, но чтоб имена людей?..

Устинов и сказал тогда: «Это не воры, они – барыги! Вор должен жить своим воровским ремеслом. Воровать, не толкать людей на тяжкие преступления, а «наводить справедливость» – этим должны «воры в законе» заниматься. А они называют себя ворами!» Коммерция уже тогда потихоньку начиналась – и «барыги» ею занимались.

Сейчас даже не знаю, есть ли авторитеты? Последний был Козленок. Они все исчезали, наркоманами были. Выезжали в район, запасались семенами мака. В бункер засыпали эти семена вместе с кукурузой. Соответственно запоминали или вешки ставили. Дожидались всхода – сами собирали стебли.

«Сейчас это повсеместно, а тогда была каста. Они знали друг по дружке – человек 10-20. Были уже маститые. Молодежь не втягивалась – единицы были. Не было спайсов. Вспомнить Указ 1986 года – вырубали виноградники – он дал толчок! Я только недавно сжег свои записные книжки за 30 лет службы. Там ничего такого не было – для себя иные моменты записывал. Блокноты валялись. Мы все записывали», – говорит Н.Е.Гудожников.

Бандитский Кузнецк

Когда я был назначен в Кузнецк начальником милиции, позвонил генерал Гуляков: я, мол, не могу ни на одном совещании появиться – уже «достали» и коммерсанты, и со стороны губернатора претензии. Речь шла о наглости рэкетиоров: они поджигали магазины, аптеки. В общей сложности 18 поджогов!

Вымогательство принимало самые изощренные формы. Приходит человек. Письмо приносит, оказать помощь в 5000 рублей спортивному клубу. Потом идет телефонный звонок. Затем в окно летит кирпич, а за кирпичом – коктейль Молотова. Затем звонок: «Ну и жалко тебе было пяти тысяч? Теперь больше плати!»

Или еще вот: обращается в милицию заявитель и говорит: «Есть факт вымогательства или нет?» В 23.00 заходят к нему в квартиру три амбала. Приходят, садятся за стол на кухне, чай вскипятили, разводят и пьют. У тебя (хозяина!) не спрашивая. Это угроза или не угроза? И так, между прочим, сообщают: «Не забудь про деньги!» Человек это как воспринимает?

Или просто приходят к человеку физически немоощному. Приходят здоровяки – бицепсами качают перед ним. Прямой угрозы нет, но человек воспринимает как угрозу.

Надо что-то делать – ситуация в городе нехорошая. Подняли все уголовные материалы – отказные, возбужденные. Начали работать с потерпевшими. Бандиты даже днем приходят в «Мир зеркал», вымогают, разбивают все, что там можно было разбить. Хозяйку приглашаем – она боится рассказывать. Мы с прокурором покалякали – она дала прямые показания против одноклассника.

Другой случай, где человека инвалидом сделали битами. Самый доходный маршрут микроавтобусов в Пензу. Хозяина этих маршруток в бокс затаскивают. Отдай машины и маршруты. Тоже беседуем – боится. Дал прямые показания. При их наличии можно работать.

Пропадает парень. Находят убитым на территории Ульяновской области. Недалеко от турбазы в лесу. Ну, с этого момента и пошло раскручивание всей озверевшей банды. Парнишка много знал, а перед этим убивают Лобаша – кузнецкого авторитета.

Сначала пытались взорвать Лобаша около дома в 3 часа ночи. Он перемещался по городу в бронированной «Ниве». По тревоге нас

поднимают, эвакуируем девятиэтажный дом. Стоит эта «Нива», видим, что под машиной – взрывчатка и индикаторная карта мигает! Специалиста вызвали из Пензы – сотрудника ОМОНа. Тот обезвредил мину – около 2 килограммов тротила!

Лобаш с окружением подходит и говорит: «Николай Егорович, помогите отбуксировать эту машину». «Слушай, – говорю, – ты здесь со своими ребятами, давай, действуй!» Отбуксировали от жилого дома – сняли взрывчатку. Это было за полгода до его убийства. Второго кузнецкого авторитета убивают в Сосновоборском районе. Виктор Семенович Жаткин, он уже был начальник криминальной милиции, бывало, все интересуется:

- А почему кузнецких авторитетов убивают на других территориях?
- Раскроем, – говорю, – и спросим у них!

Расплата

Вот и раскрыли: с кузнецким авторитетом расправляются в Сосновоборском районе, мальчишку убили в Ульяновской области. Лобаша застрелили в Пензе на улице Одесской – это убийство, мне кажется, осталось нераскрытым. Потом прокуратура и УВД взяли все это в производство.

В один миг все бандиты были задержаны. Если память не изменяет, 16 обысков было произведено, задержание и авторитет этот был задержан. Как раз непосредственно участвовала Н.Е. Канцера, прокурор области, В.С. Жаткин, А.В. Абдулин – Алексей Валентинович непосредственно «вел» эту группу.

Двое покончили с собой в СИЗО. В результате обысков было изъято много оружия, единиц 16, взрывчатка, омовская форма. После этого все успокоилось. Хотя я приглашал как-то вот этого авторитета. Депутат города вместе с тренерами греко-римской борьбы – сидим за чашкой чая.

– Слушай, – говорю, – ну, хватит «атаман», Николая Егоровича вы достали! У меня терпения хватит, но мы все равно не позволим, чтобы ты так дальше беспредельничал». Он лет 16-18 тогда получил. На тот момент, когда это завершилось, я уже был далеко.

Ханты-Мансийск

С данным названием – это касается последних 5 лет работы – у меня ассоциируется только одно слово – «наркотики». После Пензы мне было дико такое видеть. Изымали и милиция, и наркоконтроль десятки килограммов! Там большой поток выходцев из Средней Азии, в частности, из Таджикистана. Здесь такого наплыва не было, и не дай Бог видеть!

Кавказ почти весь там представлен на территории Ханты – Мансийского округа. 60 % российской нефти добывается там. Кругом болота. Столкнулись с тем, что к трубопроводам делают врезки. Как в Самарской области. Новый вид борьбы с преступностью для меня. «Работают» группы – специалисты высокого класса. Нефтепровод под высоким давлением – чтобы врезаться, надо быть профи.

«Левая» труба

Еще один случай дерзкого хищения раскрыл действующий начальник УМВД Ю.Н. Рузляев. Занимались нефтянкой и газоконденсатом. Вышли на заброшенные трубопроводы. Преступники приспособились – труба проходила через... завод! Воры врезались, и в определенные часы оператор-преступник часть продукта переводил по нужной ветке.

Посередине дороги – на сотни километров вокруг нет людей – стоит кафе! Подсобные помещения, сарай – где дрова и т. д. В ходе расследования выяснилось – бензовоз заезжает за кафе, в этот ангар, и там закачивают цистерну. Кафе построили, для машин стоянку оборудовали, людей кормили. И в то же время заезжает машина – рядовым водителям трудно было догадаться. Оперативники по этой трубе шли чуть ли не с лопатой. Приблизились к городской черте – дошли до краника, можно сказать.

Черные риэлторы

В Сургуте такие вот «специалисты» вывозили людей. Одну женщину нашли – она за ягодами пошла – нашли убитой. Отсюда начинается все. Пока устанавливали личность – смотрим, квартира уже перепродана. Начинаем дальше раскручивать – выходим на группировку. Трех пострадавших нашли в Ульяновской области, из Сургута их вывезли – и отдали под начало участкового инспектора. Участковый здесь – азербайджанец. Получал отдельную плату, чтобы смотреть за «пленниками». Пусть они доживают свой век здесь, а их квартиры в Сургуте уже были перепроданы.

А там другой участковый питал «черных риэлторов» информацией. Он же не мог сразу найти квартиру – это надо одинокого больного человека найти. Соответственно, его надо... напоить, как следует! Не один день, а так, систематически. Он затем любые документы подпишет, и «квартира перепродается». В 2007-08 годы – это было «в моде».

Почему сейчас полицию поганят? Начали несколько лет назад. Раскрытие преступления – это очень тяжелый труд, и не только одного человека: оперативник, участковый. Все собираешь, беседуешь с людьми, анализируешь, с агентурой встречаешься, информацию получаешь. Потом уже раскрываешь преступления: одно, второе, третье – что он совершил, паразит?

А по пути наименьшего сопротивления – наркотики взяли и подбросили, посадили. Оказывается, не надо думать, и информация не нужна. Оказывается, можно и так! Оперативник начинает с этого времени **тупеть**. Нарушение законности приводит к страшным последствиям.

Это было и в Ханты – Мансийске. Оказывается, наркотики надо изымать, документировать. Телефон и все прочее – сейчас много возможностей у полиции. Они изъяли, показали вот столько, а фактически изъяли столько. Им же через месяц опять показатель какой-то нужен. Во время обыска изъяли столько, а потом сами разбодяжили. Ну и чем закончилось? *Такое всегда становится явным.*

Вот сейчас общаемся, некоторые ребята еще остались. Раньше во времена Костяшкина, Булушева, до них оперативников, Маюлова – была преемственность поколений. Старший – рядом обязательно молодые, которые перенимают все это. Спасибо Анатолию Сергеевичу – пока я с ним работал – соответственно смотришь, как и что. Трудность – надо

привлекать к негласной работе. Они и сейчас этим занимаются. А с человеком беседеешь – вроде все и контакт налажен. А раньше обязательно требовали расписку. Говорю: «Не могу! Вот как предложить человеку?» Так он, старший, помогает, подсказывает.

Это сейчас контракты. Любой оперативник скажет, что без помощников нельзя работать. Это огромная сила! Тяжкие преступления – без них невозможно раскрыть. Со мной работал один парень. Он с гражданки, я спецшколу закончил. Полгода проработал и говорит: «Я не могу! Не могу с такой категорией работать! Это непорядочно».

Убеждал его: «В этом и состоит работа оперативника – раскрыть или предотвратить преступление. Как ты иначе раскроешь?» «Пусть он официально заявит!»

Так он и ушел...

Много сил и лет отдал Николай Егорович любимой работе. Он признается, что и сейчас ее любит. Генерал-майор милиции Гудожников прошел нелегкий путь от рядового инспектора до начальника Управления по работе с обращениями граждан и организаций Правительства Пензенской области. И на этом ответственном посту Николай Егорович помогает нуждающимся в поддержке землякам.

*Мой собеседник – человек необычной трудовой биографии. Ректор Пензенского государственного университета **Александр Дмитриевич ГУЛЯКОВ**, генерал-майор милиции в отставке, кандидат юридических наук, в недавнем прошлом возглавлял УВД Пензенской области, затем – Законодательное Собрание. К уголовному розыску у Александра Дмитриевича отношение особое, он считает эту службу элитой полиции. Сам он немало потрудился, сначала оперуполномоченным в Беднодемьяновском РОВД, затем заместителем начальника УУР УВД. На его счету множество раскрытых преступлений. Запомнилось ему одно своей таинственностью и... запутанностью.*

Вор – невидимка

Серия загадочных краж из магазинов прокатилась по Беднодемьяновску. Похититель или похитители не оставляли на месте преступления никаких следов проникновения, даже дверной замок висел на прежнем месте!

Как заявили продавцы, неизвестный якобы злоумышленник чудесным образом проник в магазин, открыл сейф и взял там часть выручки. Сотрудники милиции приходят, проверяют: ничего не подтверждается! Не находят самых верных признаков кражи: взлома, следов проникновения, отпечатков чужих людей. Работники торговли заявляют: сейф вскрыт! То есть, как это – вскрыт? Экспертиза на предмет открытия сейфа посторонним ключом категорического заключения не дает.

А продавцы, между тем, настаивают: вот, в этом сейфе лежала тысяча рублей. Четыреста из них осталось, а шестьсот пропали! Ну кто поверит в такие сказки? Сразу берут продавцов «за шкирку» – пишут им статью «халатность». Человек восемь так оформили: двух – под суд, остальные в добровольном порядке возмещали заявленный ущерб.

Загадочные ночные «визиты», вопреки принятым мерам, не прекращались. В местном тире ДОСААФ пропали три или четыре «воздушки». А по тем временам кража одной пневматической винтовки – ЧП районного масштаба! Что характерно: никаких следов взлома, проникновения посторонних в тир тоже обнаружено не было.

В районной поликлинике таким же таинственным образом систематически исчезал... спирт. Медики в один голос твердили: кто-то ночью забрался и наш спирт унес!

Что за странные хищения? Естественно, в подобные басенки никто из сотрудников РОВД не верил.

– Дальше – больше, – продолжает воспоминания Александр Дмитриевич. – У меня мама работала тогда заведующей районной библиотекой. Так вот, она меня в те дни просто замучила: к нам, говорит, в библиотеку какой-то ворюга повадился. Не успеют из Пензы поступить новые книги, как лучших из них библиотекари недосчитываются. Произведения прославленных писателей, скажем, Байрона, Диккенса и Бунина улетучились бесследно. Помоги, говорит, сын, найти похитителя бесценных книг.

А я, было, только отмахиваюсь: не до твоих мне книжек, мама, тут

такие серьезные дела! Да, может быть, говорю, кто-то из ваших же работников «балует»? Нет, отвечает мне мать, я своим сотрудникам полностью доверяю. Посоветовал ей тогда при поступлении новых книг сделать какую-нибудь хитрую, незаметную пометочку, что-нибудь вроде подвешенной ниточки, чтобы убедиться, проникает ли в библиотеку посторонний.

Через некоторое время мать мне сообщает: «пометочка» моя нарушена, кто-то ночью опять у нас похозяйничал! Делать нечего, пришлось в библиотеке устраивать ночную засаду. Но то ли нам так не везло, то ли «визитер» был так хорошо проинформирован. Но только именно в те ночи, когда там находилась засада, он в библиотеку не жаловал. А стоило нашим сотрудникам покинуть этот пост – пожалуйста, новая кража!

Не знаю, как бы продолжалась наша охота на вора-невидимку. Но только однажды ночью пришлось нам, группе оперативников, срочно выехать в дальнее село «на труп». Как мы выяснили, гибель человека была вызвана причиной не криминального характера, вмешательство сотрудников милиции там не требовалось, и мы поздней ночью возвратились в Беднодемьяновск.

Подъезжаем к райотделу: что такое? Чуть ли не во всех окнах здания горит свет, и по ночному времени там – просто столпотворение! Что случилось? «Да вот, – отвечают нам, – поймали библиотечного вора! Попался-таки он в засаду!»

Задержанным оказался молодой парень, родом с Украины. Мастер холодильных установок, в Беднодемьяновск он перебрался к родственникам. Здесь женился, у него уже двое детей, на работе он на хорошем счету. И вот его ночью ловит поставленная мной засада.

– Ну-ка, давайте его сюда!

Приводят задержанного. Симпатичный парень, с виду такой открытый и приветливый. Начинаем с ним толковать.

– Как зовут?

– Анатолий, – и сразу, сходу, начинает рассказывать, как он «нечаянно» оказался в библиотеке. Вот, мол, случайно проходил мимо районного Дома культуры (а в здании ДК и находилась библиотека), решил зайти, взять книжку, а там – закрыто. Ковырнул ключом и нечаянно открыл дверь! Да разве я, – заявляет, волнуясь, задержанный, – пойду нарочно книжки воровать? Да вы что?!

– Тогда, – вспоминает Александр Дмитриевич, – я отдал приказ своим сотрудникам: произвести обыск как в квартире задержанного, так и в доме его бывшей жены (они к тому времени были уже в разводе). Часа через два

мои подчиненные возвращаются с... полным грузовиком изъятых вещей. Тут и все пропавшие библиотечные книги, и пневматические винтовки, и различные вещи, в их числе новенькие гитарные струны.

Ведь сыскное наше дело строится сплошь на мелочах. Как учил меня наставник Владимир Константинович Кирсанкин, сыщик от Бога, в нашей профессии крайне важна скрупулезность, дотошность. Можно проделать огромный объем работы, перелопатить массу вещественных доказательств, но упустить одну малюсенькую деталь, одну плевую какую-нибудь мелочь – и весь труд насмарку!

В раскрытии преступления главную роль может сыграть оброненный клочок бумаги, отпечаток пальца, след необычного прикуса зубов, да и мало ли еще что!

Так вот и гитарная струна навела меня на мысль о вскрытых магазинных сейфах. Вспомнил я, как один продавец в числе похищенного из сейфа имущества называл и гитарные струны (необыкновенный тогда дефицит).

Поневоле я задался вопросом: а сейфы – не «работа» ли задержанного? Стал толковать об этом с Анатолием, но он начисто отрицал свою вину в магазинных кражах.

– Пневматические винтовки ты где взял?

– В тире.

– А тахометр?

– В поликлинике.

– А струны?

– Купил.

В преступлениях, где его вина была вещественно подтверждена, задержанный признавался сразу и безоговорочно. Другое дело – магазинные кражи. Там похититель брал только деньги. А о струнах Анатолий твердил, что приобрел их на собственные средства и не сознавался ни в какую. Так проходил и день, и другой.

– Решил я потолковать с подозреваемым, – продолжает рассказ Александр Дмитриевич, – обстоятельно. Не спеша. Беседуем мы с ним целый вечер и ночь напролет. Лишь к утру он «раскалывается» на один магазин.

Попили с ним чайку. Он мне еще два магазина «выдал».

– Рассказывай, – требую, – Анатолий, все! И тебе на душе легче станет!

Не знал я еще тогда, что от его признаний у меня на сердце камень ляжет.

Он рассказал мне, как на духу, про все свои магазинные «подвиги». И о том, что его на это толкнуло. Когда разошелся с женой, затосковал. Стал попивать. Но испугался того, что сопьется вконец, и нашел себе «хобби»: стал по ночам проникать в магазины и различные учреждения, совершая уже известные нам кражи.

Надо сказать, что мастер он был настоящий, с «золотыми» руками. Все сложнейшие замки и запоры, все хитроумные сейфы открывал как дверь в собственную квартиру. И в такой раж вошел, что, если, говорит, я ночью не украду, утром себя неладно чувствую.

Оформление законным порядком его признаний мы из-за усталости отложили на следующий день. Отдохнув, вызываю его на допрос, а сам думаю: сейчас, подлец, от всех своих слов откажется!

Но Анатолий ни от чего сказанного отказываться не стал, а изложил подробнейшим образом, как он магазины обкрадывал. А мы уже, как я раньше говорил, по одному магазину, по «Хозяйственному», возбуждали уголовное дело и двух женщин отдали под суд. Мой «собеседник» и про этот магазин подробно повествует.

Доложил я об этом своему непосредственному начальнику Кирсанкину. Тот за голову схватился: люди-то уже осуждены! За халатность. Что делать?

Я говорю: «Вот, пока единственный протокол этого допроса. Знаем правду об этом эпизоде только мы: я и ты. Решай! Или даем делу ход и восстанавливаем справедливость, или этот эпизод вычеркиваем и «лепим» преступнику только кражи. По которым люди не осуждены. Никто никогда о том не узнает, а вор сам более всех заинтересован об этом молчать.

Надо отдать должное мужеству Кирсанкина. «Нет, – говорит, – что будет – то будет! Пусть нас наказывают, но справедливость должна восторжествовать».

Эх, продавцы на нас же потом и срывали обиды. Что они над нами творили, особенно над Кирсанкиным! Одна работница торговли даже драться на него полезла. «Ты же, – кричит, – в камеру меня закрывал!»

Но зато потом в суде продавцы слова огромной благодарности нам сказали. Что вот, мол, не побоялись сотрудники милиции признать свою ошибку и вызволили невинных людей, хотя, конечно, по факту, в их действиях были элементы халатности, которые и позволили преступнику легко совершить кражу.

Слушалось дело «вора – невидимки» в областном суде. Как и расследование, завершала процесс следственная часть УВД, – хищение-то совершено в особо крупных размерах. Была такая статья в Уголовном

Кодексе-93 часть 1 – хищение свыше 15 тысяч рублей (по тем-то деньгам – огромная сумма!).

И получил Анатолий девять лет – ни разу не судимый. Откровенно говоря, не очень хорошо получилось: ведь он честно, откровенно все рассказал. И председательствующий в суде был настроен учесть смягчающие вину подсудимого обстоятельства.

Но когда пострадавшие продавцы стали закатывать истерики в зале суда, служитель Фемиды понял: будут жалобы на «мягкий» приговор, если не наказать «на полную катушку».

Теперь он срок свой отбыл и, по моим сведениям, вернулся к себе на родину – в Крым. Возможно, взялся Анатолий за ум – ведь интересный мужик и руки у него «золотые»!

На прощание Александр Дмитриевич высказал такие пожелания своим бывшим коллегам:

Еще Петр I говорил: «Уголовный сыск – это люди хамского отродья, водку зело сильно пьющие, но дело разумеющие, а потому впредь повелеваю их величать *дворянским сословием*».

А если говорить серьезно, сотрудник уголовного розыска стоит на переднем крае борьбы с преступностью. Здесь могут работать только люди, целиком отдающие себя делу, «половинчатых» уголовный розыск не терпит. Потому-то и пользуются сыщики заслуженным уважением не только у своих сослуживцев, но и у всего населения. Результаты их труда очень конкретны и зримы, они всегда готовы прийти на помощь к каждому из нас.

Я хотел бы пожелать, чтобы у каждого сыщика была отменная интуиция, обостренное чувство справедливости, несмотря на грубость работы – чтобы добрыми оставались сердца и, главное, чтобы у каждого сыщика был надежный «тыл» – дружная, крепкая семья!